МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

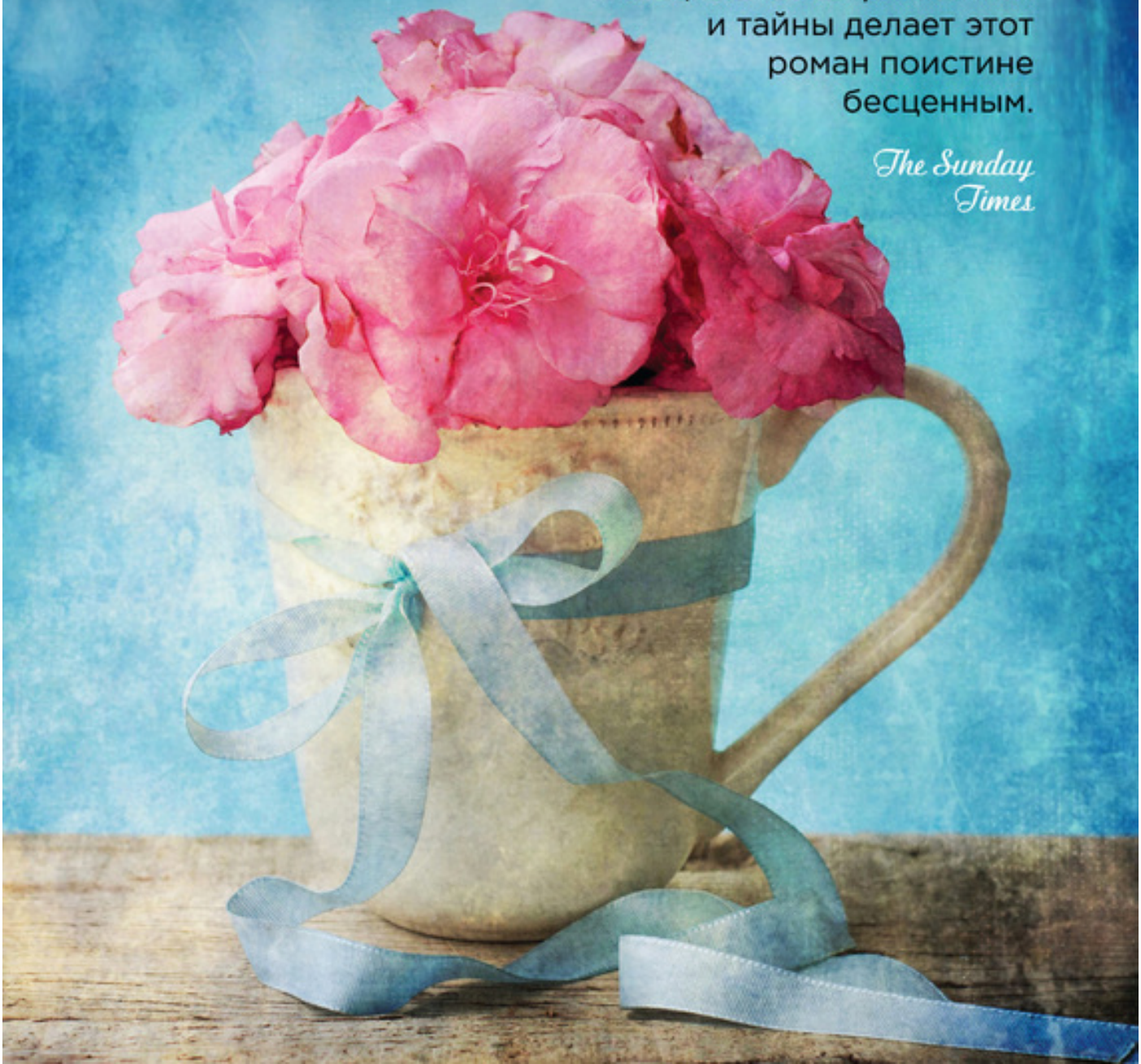
по версии New York Times

САРА ДЖИО

Последняя камелия

Изящный сплав романтики и тайны делает этот роман поистине бесценным.

The Sunday Times

Сара Джио

Последняя камелия

«Эксмо»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джио С.

Последняя камелия / С. Джио — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-83731-1

Англия, 1940.Флора Льюис получает заманчивое предложение от загадочного «цветочного вора». Она должна отправиться в Англию, чтобы отыскать в саду старинного поместья редкий сорт камелии.Флора вынуждена поступить в дом лорда Ливингстона в качестве няни. И вскоре она находит в комнате умершей при неясных обстоятельствах леди Анны альбом для гербария со странными пометками…Нью-Йорк, наши дни.Рекс Синклер предлагает своей жене Эддисон уехать на время в пригород Лондона. Он хочет написать книгу, и Эддисон находит для будущего романа материал: историю о прекрасной камелии, которая когда-то росла в саду самой королевы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-83731-1

© Джио С., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Примечание автора 6
Пролог 7
Глава 1. Эддисон 9
Глава 2. Флора 13
Глава 3. Эддисон 22
Глава 4. Флора 24
Глава 5. Эддисон 26
Глава 6. Флора 30
Глава 7. Эддисон 35
Глава 8. Флора 38
Глава 9. Эддисон 44
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Сара Джио
Последняя камелия

Посвящаю моей матери, Карен Митчелл, которая познакомила меня с камелиями и прочими значительными и прекрасными цветами в саду.

© Кононов М., перевод на русский язык, 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

Примечание автора

Камелии из тех цветов, которым не трубят фанфары. Их любят не так, как розы. Они не вызывают у людей той ностальгии, что вызывают тюльпаны или лилии. У них нет аромата гардений и пышности георгинов. Из них получаются не слишком эффектные букеты, и довольно скоро их лепестки тускнеют и опадают. И все же камелии всегда поражали меня своей тихой недосказанностью.

Не могу припомнить, когда я впервые заметила камелию. Помню только, что они росли в бабушкином саду и цвели – одна розовая, другая белая – у входа в дом моего детства. Как-то так получилось в моей жизни, что камелии *всегда* присутствовали в ней, грациозно покачиваясь на ветерке.

Это не модные цветы (а по правде сказать, это деревья). В Сиэтле, где я живу, многие дома, построенные в конце прошлого века, можно отличить по старым камелиям, растущим в палисадниках. Когда мы с мужем купили наш первый дом в Сиэтле – викторианский, построенный в 1902 году, – он достался нам вместе с камелией. До сих пор помню этот огромный ствол и его ветви, достававшие до окна нашей спальни на третьем этаже.

Хотя и в современных садах порой можно увидеть эти роскошные деревья, камелии все же уступили свое место более популярным растениям – теперь любят ряды лаванды, декоративные травы, азалии и японские клены. Мода меняется, и садовые предпочтения тоже. И все же я до сих пор питаю слабость к камелиям.

Когда я собралась писать этот роман, у меня в уме возник образ одинокого дерева с цветами размером с блюдце и блестящими изумрудно-зелеными листьями. А потом на сцене появилось и остальное: ряды и ряды камелий. Целый *сад*.

Я задумалась: а не сделать ли дерево в воображаемом камелиевом саду редкой разновидностью, возможно даже, последней в своем роде? Как оказалось, в реальной жизни камелии встречаются очень редко – они скрываются в частных садах и общественных оранжереях по всему миру, по большей части в Англии.

Теперь, через несколько месяцев после написания романа, закрывая глаза, я по-прежнему вижу сад в Ливингстон-Мэноре. Должна признать, мне грустно оттого, что этого места на самом деле не существует, потому что мне больше всего на свете хотелось бы там побывать. Я бы сидела в саду, смотрела на сарай, расположенный за статуей каменного ангела, и любовалась камелиями.

Надеюсь, эта история сделает для вас более близким ваш собственный уединенный садик, где бы он ни был – тут же за дверью или в вашем сердце.

Моя судьба в ваших руках.

Именно это означает цветок камелии на викторианском языке цветов.

Пролог

Коттедж в английской деревне
18 апреля 1803 года

Старая женщина дрожащей рукой сжимала чашку. Она тяжело дышала, под ногтями чернела грязь. Она стояла у плиты и ждала, когда же засвистит чайник. От нечего делать женщина принялась рассматривать еще не зажившую ранку на пальце. Она случайно порезалась садовыми ножницами, и теперь палец ныл под окровавленной повязкой. Но ранкой она займется позже. Сейчас надо прийти в себя.

Она налила воды в маленький белый заварочный чайник с трещинкой вдоль края и подождала, пока чай заварится. Возможно ли такое? Она видела цветок ясно как божий день. Белый с розовой каймой по краям. Несомненно, это миддлберийская розовая. Ее муж, царство ему небесное, ухаживал за этой камелией двадцать лет – пел ей песни весной, даже накрывал одеялом ее изумрудные листья, чтобы их не тронул мороз. Он называл ее особенной. Жена не понимала этой суеты вокруг неказистого дерева, особенно когда было нужно вспахивать поле и копать картошку.

Увидел бы он это дерево теперь! Оно расцвело. А вдруг заметит кто-то из деревни? Нет, этого она не допустит. Это ее долг.

Несколько лет назад муж купил саженец за шестипенсовик, и это был просто прутик в горшке. Бродячий торговец сказал, что это побег миддлберийской розовой – самой красивой камелии во всей Англии, а возможно, и во всем мире. Уникальный сорт, цветущий самыми большими, самыми изумительными цветами – белыми с розовой каймой по краям, – занимал почетное место в розарии самой королевы. Конечно, жена не поверила этой истории, тогда не поверила, и ворчала на мужа за то, что тот заплатил такие деньги неизвестно за что. Этот прутик может оказаться просто сорняком; но в душе она радовалась тому, что видит мужа счастливым.

– В конце концов это лучше, чем пропить деньги, – говорила она. – Кроме того, если в самом деле появятся цветы, мы, может быть, сможем продавать их на рынке.

Но дерево не зацвело. Ни через год, ни через два, ни через три, ни через четыре. А к десятому году женщина потеряла всякую надежду. Она злилась, когда муж шептал что-то деревцу по утрам. Он говорил, что прочитал в садовом руководстве, как ухаживать за этим деревом, но когда она заметила, что он опрыскивает ветви смесью воды и ее потрясающего овощного супа, то пропустила мимо ушей его слова о том, что якобы это защищает растение от всяческих хворей. Ее терпение истекало. Иногда ей хотелось, чтобы в дерево ударила молния, расколола его пополам и муж перестал бы лелеять его. Не раз ей хотелось взять топор, вонзить его в древесину и излить таким образом свою досаду. Но она сдерживалась. И когда муж умер, деревце осталось в саду. Прошли годы, и вокруг ствола выросла высокая трава. Плющ обвил деревце своими причудливыми завитками. Старуха не обращала внимания на камелию, пока этим утром ее глаз не уловил что-то розовое. Единственный цветок, размером с блюдце, был великолепнее, чем она могла себе представить. Прекрасный цветок, нежнее всякой розы, этот цветок покачивался на утреннем ветерке с такой царственностью, что старуха ощутила желание сделать перед ним почтительный реверанс.

Она отхлебнула чаю. Надо же так подгадать! Всего несколько дней назад вышел королевский указ, извещавший, что во время бури в королевском саду погибла камелия редкого сорта. Узнав, что бывший придворный садовник взял от дерева черенок и продал саженец какому-то деревенскому фермеру, опечаленная королева велела слугам разыскать деревню, где растет отпрыск ее любимого дерева, и арестовать человека, скрывавшего растение все эти годы.

Женщина смотрела прямо перед собой. Услышав вдали топот копыт, она повернулась к окну. Через несколько мгновений раздался стук в дверь, и чай в чашке всколыхнулся. Хозяйка пригладила выбившиеся из узла редкие седые пряди и, вздохнув, отворила дверь.

– Добрый день, – проговорил опрятно одетый мужчина. Его голос звучал вежливо, но настойчиво. – По приказу Ее Величества мы обыскиваем деревню на предмет ценного сорта камелии.

Женщина осмотрела одежду пришельца – в общем, обыкновенная, простая. Самозванец, даже ей ясно. Муж предупреждал о подобном – о цветочных ворах. Конечно, для них эта ситуация оказалась очень кстати. Если воры сумеют добраться до камелии прежде королевских слуг, то смогут потребовать за нее целое состояние. Человек держал в руке листок, свернутый в тугой свиток. Развернув его с чрезвычайной осторожностью, он указал на нарисованный цветок – белый с розовой каймой.

Сердце женщины так колотилось, что она ничего вокруг не слышала.

– Может, вы выдели у кого-то такой цветок? – спросил незваный гость и, не дожидаясь ответа, повернулся, намереваясь лично осмотреть сад.

Он прошел по садовой дорожке мимо грядок с овощами и зеленью, топча морковную ботву, которая только-только пробилась сквозь недавно оттаявшую землю, и остановился, глядя вперед, где над черной землей приподняли свои головки тюльпаны. Там он опустился на колени, чтобы сорвать цветок, еще совсем молодой и зеленый, и тщательно его осмотрел.

– Если увидите такое дерево, – сказал он, повертев в руке тюльпан, прежде чем выбросить его, – сообщите мне. Спросите Харрингтона.

Старуха согласно кивнула. Человек указал на север. Тут рядом, за холмом, поместье Ливингстонов, Ливингстон-Мэнор. Любезная хозяйка предложила им остановиться в старом коттедже рядом с сараем, если они позаботятся об огороде.

– Но никому не говорите, где я остановился.

– Да, сэр, – поспешно проговорила женщина. Застыв, она наблюдала, как он направляется к своей лошади. Когда цоканье копыт стихло, старуха прошла по садовой дорожке мимо грушевого дерева у забора и приблизилась к камелии, украшенной единственным восхитительным цветком.

– Нет, – сказала она себе, дотрагиваясь до нежных лепестков. Королева может обыскать все здешние сады, а цветочные воры осмотреть лепестки всех растений, но она не допустит, чтобы кто-то нашел эту камелию.

Глава 1. Эддисон

Нью-Йорк-Сити
1 июня 2000 года

На кухне звонил телефон, настойчиво и как-то ехидно. На гранитной столешнице он напоминал брикет динамита.

Если я не возьму трубку через три звонка, включится автоответчик. *Этого допустить нельзя.*

– Ты что, не слышишь? – крикнул с дивана мой муж Рекс, оторвав глаза от своей тетрадки.

У него очаровательная склонность к старомодным аппаратам. Пишущие машинки, магнитофоны и автоответчики года эдак 1987-го. Но в данный момент мне хотелось голосовой почты. Была бы у нас голосовая почта!

– Я слышу! – Я вскочила из-за стола и поморщилась, ударившись ногой о ножку стула.

Один звонок. Два.

Мои руки покрылись гусиной кожей. А вдруг это *он*? Он начал звонить две недели назад, и при каждом телефонном звонке я испытывала знакомый страх. *Успокойся. Дыши глубже.* Может быть, это один из моих клиентов. Например, ужасная миссис Этуэлл, заставившая меня три раза переделывать ее розарий. Или налоговая служба. Пусть это будет налоговая служба. Я была рада кому угодно, кроме одного человека… Но мне казалось, что на другом конце провода именно он.

Если я повешу трубку, он позвонит снова. Как акула, учуявшая в воде кровь, он будет кружить рядом, пока не получит свое. Придется ответить.

– Алло? – беззаботно проговорила я в трубку.

Рекс улыбнулся и вернулся к своей тетрадке.

– Здравствуй еще раз, Эддисон, – раздалось в трубке.

От его голоса у меня мурашки побежали по коже. Конечно, я не могла его видеть, но ясно представляла себе его рожу – клочковатую щетину на подбородке, нахальное удовольствие в глазах.

– Знаешь, мне наплевать, как тебя зовут теперь. Имя Аманда шло тебе куда больше.

Я молча открыла застекленную дверь и шагнула в патио, выходившее в сад, – редкость для большого города, но это была наша полная собственность. С высокой камелии, которую мы с Рексом посадили год назад в честь годовщины нашей свадьбы, счастливо чирикнула птичка. Меня тошнило от мысли, что он вторгся в мое святилище.

– Послушай, – прошептала я, – я же просила тебя больше не звонить.

Взглянув на многоквартирный дом рядом с нашим особняком, я подумала, не смотрит ли на меня он из одного из окон.

– Аманда, Аманда, – проговорил он, забавляясь.

– Прекрати называть меня этим именем!

– Ах да, я забыл, – продолжал он. – Ты теперь зазналась. Я читал в газете о твоей свадьбе. – Он насмешливо прищелкнул языком. – Просто счастливый конец сказки для девочки, которая…

– Пожалуйста, – перебила его я, не в силах выносить его голос, который погружал меня в прошлое, а мне этого очень не хотелось. – Почему ты не оставишь меня в покое? – взмолилась я.

– Ты хочешь сказать, что не *скучаешь* по мне? Возгордилась, что вышла за *английского короля*? Думаешь, ты действительно что-то из себя представляешь? Тогда позволь спросить: твой муж знает, *кто ты на самом деле*? Знает, что́ ты когда-то сделала?

Мне стало дурно, подкатила тошнота.

– Ради бога, оставь меня в покое, – взмолилась я, чувствуя, как перехватывает горло.

Он самодовольно рассмеялся:

– Не могу. Нет и нет. Видишь ли, я провел в тюрьме десять лет. Это достаточно долгий срок, чтобы подумать. И я много думал о тебе, Аманда. Почти каждый день.

Меня передернуло. Пока он был за решеткой, я чувствовала себя в безопасности. Его посадили за отмывание денег и еще одно мелкое преступление, но пока он находился за решеткой, я ощущала себя укутанной в толстое мягкое одеяло. А теперь он вышел на свободу и это одеяло сдернул. Я была напугана и чувствовала себя беззащитной.

– Есть одна штучка, милая, – продолжал он. – Я обладаю очень ценной информацией. Ты ведь не можешь упрекать меня за то, что я тоже хочу такой сытой и уютной жизни, как у тебя.

– Я сейчас повешу трубку, – сказала я, поднося палец к красной кнопке.

– Ну что ж, пожалуйста. Но ты знаешь, чего я хочу.

– Я уже сказала тебе, что у меня нет таких денег.

– У тебя, может, и нет, но у родственников твоего мужа есть точно.

– Не надо, не впутывай их.

– В таком случае, – проговорил он, – у меня не остается выбора.

Я услышала на другом конце сигналы развозчика мороженого и вспомнила, как девочкой, выпучив глаза, в надежде бегала за такими развозчиками. Не знаю, зачем. У меня никогда не было доллара на мороженое, и все же они притягивали меня к себе как магнит.

Я опустила трубку и поняла, что мороженщик приближается, он совсем рядом, может, в квартале от меня. Рядом. Совсем рядом. Я ужаснулась.

– Ты где? – спросила я, погружаясь в панику.

– А что? Хочешь меня увидеть? – забавлялся мой мучитель. Я представила угрожающую ухмылку на его лице.

У меня задрожал подбородок.

– Пожалуйста, отстань от меня, – взмолилась я. – Почему ты не можешь оставить меня в покое?

– Это было бы слишком просто, – ответил он. – Но ты испытываешь мое терпение. Если к концу недели у меня не будет денег, я все расскажу твоему мужу. А когда я говорю «все», это значит *все*.

– Нет! – вскричала я. – Не надо, пожалуйста!

Я обошла дом и заглянула через ограду в боковой двор. Мимо медленно проехал развозчик мороженого. Дети радостно визжали при звуках мелодии, льющейся из громкоговорителя, но у меня каждая нота вызывала парализующий страх.

– У тебя пять дней, Аманда, – раздалось в трубке. – И, кстати, ты потрясающе выглядишь в этом платье. Синее тебе идет.

Связь прервалась, и я, прежде чем взглянуть на улицу, посмотрела на свое синее платье. Вдали виднелся каштан. Рядом припарковалась старая «Хонда» с тонированными стеклами и ржавым капотом. Остановка автобуса отбрасывала на тротуар неровную тень.

Я побежала обратно в дом, закрыла застекленную дверь и крепко заперла ее.

– Слушай, давай поедем в Англию, – я обратилась к Рексу, едва дыша.

Поправив на носу темные очки, он ошарашенно спросил:

– Ты серьезно? Ты вроде бы не собиралась путешествовать. С чего такая перемена?

Родители моего мужа недавно приобрели историческое поместье в английской деревне и приглашали нас с Рексом провести там лето, пока они путешествуют по Азии, где работал отец Рекса, Джеймс. Рекс же писал роман, действие которого происходило именно в английском поместье, и эта поездка казалась ему прекрасной возможностью для погружения в материал.

И мы оба любили старые дома. Из того, что рассказала по телефону его мать, Лидия, мы знали, что поместье буквально переполнено историей.

Но время для поездки было совсем неподходящим. Мой бизнес в ландшафтном дизайне набирал обороты, и я обхаживала четырех новых клиентов – в том числе с заказом на грандиозный проект по разбивке садов на крышах Манхэттена. Уехать в такое время – непоправимая глупость. Однако у меня не было выбора. Шон ничего не знает про поместье. Там он меня не найдет. А поездка даст мне время все как следует обдумать.

Я нервно обвела комнату глазами.

– Ну, я не то чтобы… То есть да, не хотела. – Я глубоко вздохнула, чтобы взять себя в руки. – А потом еще раз подумала, и мне показалось, что, возможно, нам бы следовало развеяться. Приближается наша годовщина. – Я села рядом с Рексом на диван и стала накручивать на палец его блестящие волосы. – Я бы могла изучить в тех местах все сады, может быть, даже кое-чему научиться. Знаешь, здесь все сходят с ума по английским садам. – Я говорила очень быстро, как всегда, когда волновалась. Наверняка Рекс заметил это, потому что сжал мою руку.

– Ты нервничаешь из-за авиаперелета, да, милая? – спросил он.

Я на самом деле побаивалась летать самолетами, и врач прописал мне для таких случаев успокоительное. Но Рекс не догадывался об истинной причине моей тревоги, и я бы никогда не позволила ему узнать правду.

Когда-то я думала, что расскажу ему о себе все. Но чем дольше я откладывала, тем невозможнее казалось открыть рот и произнести трудные слова. Поэтому я так ничего ему и не рассказала. Вместо этого я спряталась за историей, которую сама же и сочинила. Девушка из зажиточной нью-гемпширской семьи, чьи родители погибли в автокатастрофе несколько лет назад. Все семейные деньги пропали из-за жульнической инвестиционной схемы. Рекс все это проглотил, не задумываясь, он безоговорочно верил мне. Ему не казалось странным, почему я не получаю рождественских открыток и никто не звонит мне на день рождения. Он не спрашивал, не хочется ли мне повидать дом моего детства. Он говорил, что восхищается моей силой, тем, что я умею жить настоящим, а не скорблю по прошлому. *Если б ты только знал!*

Я положила руку ему на ладонь и сказала:

– Со мной все будет хорошо. Помнишь, ты говорил, что тот дом будет идеальным местом для написания романа? Ну, так давай, Рекс. Поехали.

Он улыбнулся и легонько погладил меня по щеке:

– Знаешь, я буду счастлив поехать в Англию вместе с тобой, но только если ты сама так решила.

– Да, я так решила, – ответила я, взглянув на стоящую на улице ржавую машину. Потом встала и зашторила окно. – Сегодня такое солнце. – Я взяла телефон. – Вот прямо сейчас позвоню в турагентство и закажу билеты на завтра.

– Серьезно? – удивился он. – Так скоро?

Я натужно улыбнулась:

– А что? Мы прекрасно проведем лето.

– Что ж, – он отложил свою тетрадку, – я позвоню родителям и сообщу о нашем решении. Подожди, а как же твои клиенты?

Я внутренне содрогнулась, вспомнив замысловатый дворик, огороженный самшитом, который планировала для клиента, и прилегающий сад бабочек[1] для двух его девочек. Я обещала, что все будет готово к концу следующей недели, ко дню рождения его дочки. Но я могу поручить завершение этой работы Каре, моей помощнице. Она прекрасно справится, хотя я, конечно, сделала бы лучше. Астильбы вряд ли будут высажены идеально. Хебе не будут под-

[1] Сад бабочек – сад с растениями, которые привлекают бабочек. Есть такое направление в садоводстве. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания переводчика.)

стрижены в гладкие шары, как мне хотелось. Я вздохнула. Все равно я не могла здесь остаться, тучи неумолимо сгущались надо мной. Надо постараться сделать так, чтобы они не увязались за мной в Англию.

– Готова? – на следующий вечер спросил Рекс, стоя у входа в дом.

Мне удалось заказать два билета на девять вечера – прямой рейс в Лондон.

– Да, – ответила я с порога, потуже укутывая шею шарфом. Сделав несколько шагов к такси, ожидавшему нас у тротуара, я оцепенела.

Рекс взглянул на меня:

– Звонит телефон?

Дрожа, я оглянулась на дом. Звонок звучал приглушенно, но его было отчетливо слышно.

– Мне взять трубку?

– Не надо, – ответила я, торопливо шагая к машине. – Не будем задерживаться, а то опоздаем на самолет.

Глава 2. Флора

Нью-Йорк-Сити
9 апреля 1940 года

– Ты не забыла упаковать свое твидовое пальто? – с усталым видом спросила меня мама. Ветер растрепал ее седые волосы, и она убрала их перепачканным в муке рукавом.

– Мама, – ответила я, поглаживая свой серый пиджак. – У меня есть вот это. Пальто не понадобится.

– Но пиджак слишком легкий, – возразила она. – А в *Англии* холодно, Флора.

– Все будет хорошо, – заверила ее я. Я знала, что мамино беспокойство вызвано вовсе не моим выбором одежды, и отчетливо понимала, что она вот-вот зарыдает. – Пожалуйста, мама, не беспокойся. – Я обняла ее одной рукой.

Она закрыла лицо руками.

– Мне просто не хочется, чтобы ты уезжала.

– Ой, мама… – Я вытащила из кармана носовой платок. В правом углу виднелись вышитые красной нитью мои инициалы – Ф. А. Л. Она только что закончила паковать вещи, а за несколько часов до моего отъезда сложила всю одежду в идеальные плотные стопки.

– Не надо расходовать на меня платок, – сказала мама, хлюпая носом. Папа взял ее за руку. – Посмотри на меня еще раз. – Она вздохнула и взяла меня за руки. – Моя маленькая девочка, ты стала совсем взрослой.

Я была их единственным ребенком. Маме и папе, наверное, хотелось, чтобы я жила с ними вечно, просыпалась до рассвета, чтобы хозяйничать в пекарне под нашей квартирой в Бронксе, с первыми лучами солнца готовила тесто, выкладывала на поднос батоны и булочки для столпившихся покупателей. Я умело вела дело в пекарне, и все шло как по маслу.

Я даже представить себе не могла, как они будут без меня обходиться. Мамины руки уже ослабли, а плечи согнулись от многолетней возни с тестом. И папины способности к бизнесу тоже вызывали беспокойство. На прошлой неделе какой-то школьник вытащил из кассы семь долларов. Папа даже не бросился его догонять: он заметил дырявые ботинки парнишки и позволил ему убежать. Все это было бы хорошо, если бы не протекающая крыша и счета за электричество, которые нужно было оплачивать. Мама всегда говорила, что будь его воля, папа бы просто раздавал весь хлеб направо и налево. Такой уж он был человек.

И все-таки кто-то должен был вести дела. Квартирку над пекарней тоже нужно было оплачивать. В последний месяц хозяин квартиры не раз появлялся со злым и красным лицом. Мистер Джонсон требовал оплатить задолженность за три месяца. Я унимала его пыл батоном хлеба с корицей и обещаниями заплатить.

Я с тревогой посмотрела на пароход.

– Я так горжусь тобой, – торжественно произнес папа, прижав руки к моим щекам.

– Наша девочка, – добавила мама. – Едет в Лондонскую оранжерею, чтобы стать ботаником.

Я не могла смотреть им в глаза. Казалось, они неминуемо разгадают мою тайну. Обманывать их было невыносимо.

– Совсем скоро она сделает там карьеру, – вставил отец.

Я с трудом изобразила улыбку. В Лондонской оранжерее не было никаких вакансий. Даже для учеников. Я сочинила эту сказку, чтобы скрыть истинную причину поездки. Да, я мечтала стать ботаником, мечтала всю жизнь, это правда. Заплетая тесто для халы, я все время думала о разных породах клена и рододендрона, и еще посадила в большой горшок лозу глицинии, которая благополучно принялась и вскоре протянула свои лианы через навес пекарни.

А ночью, когда мы закрывали булочную, я бесплатно работала в Нью-Йоркском ботаническом саду. Мне приходилось подбирать прутья и подметать опавшие листья, но зато я вдоволь могла любоваться пионом Белый Феникс или розой Леди Хиллингдон с лепестками цвета консервированных абрикосов.

Да, моей страстью было садоводство, а вовсе не выпечка хлеба. Думаю, мистер Прайс знал об этом, когда два месяца назад пришел сделать мне это предложение.

– Меня зовут Филип, – представился он. – Филип Прайс. – Он протянул мне белую визитную карточку. – Насколько мне известно, по вечерам вы работаете в ботаническом саду?

Я кивнула:

– Да, но как вы…

– Я ищу кого-нибудь с острым глазом ботаника, – продолжил он, отправляя в рот кусок рулета с подноса, стоящего на витрине, – для очень важной работы.

Мама предостерегала меня от подобных мужчин с прилизанными волосами, блестящими под ярким светом ламп. Даже не дослушав его до конца, я замотала головой и, выставляя на витрину шесть заказанных пончиков, быстро проговорила:

– Нет, спасибо.

Он надкусил один пончик и протянул мне хрустящую долларовую бумажку.

– Эту булочную держат мои родители, – продолжала я, – и мне нужно им помогать.

Он осмотрел тесное помещение, задержался взглядом на трещине на столешнице, на облупившейся краске над дверным косяком.

– Значит, у вас прибыльный бизнес?

Мне не понравился его снисходительный тон, да и вообще это его не касалось.

– Да, мы не Рокфеллеры, если вы об этом, – нахмурилась я. – Родители открыли эту булочную двадцать три года назад. Я здесь выросла.

– Понятно, – насмешливо произнес мистер Прайс. – Как это трогательно.

Раздраженная, я отвернулась к подносу с выпечкой.

– Послушайте, – заговорил он снова, – я знаю, что у ваших родителей сейчас непростое время.

Наши глаза снова встретились.

– Я слышал, что аренда помещений в этой части города недешева, – продолжал он, стряхнув с усов сахарную пудру. – А вы, конечно, беспокоитесь о родителях.

Я действительно беспокоилась за них. Папа из принципа отказывался поднимать цены на свою выпечку. Но если торговля не приносит прибыли, скоро булочную придется закрыть. Все это я прекрасно понимала. Нахмурившись, я отвернулась к подносу с лепешками, чтобы выложить их на витрину.

– Больше ничего не хотите, мистер Прайс?

Финансовые проблемы моей семьи – не его дело.

– Я могу помочь, – сказал он.

Я с трудом улыбнулась:

– Не обижайтесь, но мы не нуждаемся в помощи.

– Я могу предложить вам работу. Хорошую работу – там вы сможете применить свои способности.

– Но я же вам только что сказала: я работаю *здесь*.

Над дверью зазвенел колокольчик.

– Цельнозерновой еще остался, Флора? – спросила миссис Мэдисон, наша постоянная покупательница.

Эта старая вдова жила на ужасающе маленькую пенсию, и папа велел мне всегда давать ей свежий хлеб бесплатно.

– Да, мэм, – ответила я, с улыбкой оборачиваясь к ней. – Только самое лучшее. – Я протянула ей буханку цельнозернового, еще теплую, и она начала рыться в кошельке.

– Не нужно, – улыбнулась я. – Папа просил не брать с вас денег.

Ее глаза засветились.

– Спасибо, милая моя, – сказала она, укладывая буханку в корзинку.

Мистер Прайс обернулся и тоже улыбнулся:

– Разве не прекрасно проделывать это изо дня в день, понимая, что деньги – ничто?

Я саркастически рассмеялась.

– Послушайте, сэр, не знаю, что вас не устраивает, но, пожалуй, пора нам распрощаться.

Он засунул руку во внутренний карман пиджака и вынул конверт. И я увидела, что он набит деньгами. Мистер Прайс положил его на прилавок.

– Выполнив работу, сможете получить в десять раз больше.

Я разинула рот.

– Я вам уже дал мою карточку. Позвоните, когда будете готовы.

Я открыла конверт, пересчитала купюры и вытаращила глаза. Денег с лихвой хватало, чтобы заплатить за аренду. Кивнув мне на прощание, мистер Прайс направился к выходу.

Я позвонила ему через неделю, после того, как на аллее позади булочной на папу набросился громила, который выколачивал долги. Отец прибежал на кухню с окровавленным лицом.

– Мистер Прайс, это Флора Льюис, – дрожащим голосом произнесла я в трубку. – Я готова поговорить с вами о той работе.

– Вот и хорошо, – ответил он. – Я чувствовал, что вы позвоните.

Ветер обдувал мое лицо на причале, возвращая меня в настоящее. Нет, родители никогда не должны узнать правду о моей поездке в Англию. Мама вытерла слезу и сказала:

– Я так горжусь тобой.

Я поцеловала ее в щеку и, подойдя к трапу, показала контролеру свой билет. Последний раз взглянув на родителей, я ощутила свою вину перед ними. Папа с мягкой улыбкой на круглом лице; мама с руками, деформированными артритом. *Как они справятся без меня?* Но я знала, что мне надо уехать. Мне не терпелось увидеть мир за пределами булочной, хотя бы узнать, что такой на самом деле существует.

– Обещай мне, что будешь осторожной, – крикнула мне с причала мама, а папа двинулся в мою сторону. – Обещай, что не останешься там слишком долго.

Я кивнула. Ветер сдул в сторону пелену дождя, обдав мое лицо крупными брызгами.

– До свидания, – крикнула я. – Я напишу вам, когда устроюсь.

– В добрый путь, милая, – сказал папа, засовывая мне в карман рулет с корицей, завернутый в вощеную бумагу. – А то пароход отчалит без тебя.

Я помахала рукой и пошла на судно, на этот раз не оборачиваясь.

– Плывете в Англию, одна?

Я повернулась и увидела мужчину, прислонившегося к перилам на верхней палубе в нескольких футах от меня. Примерно моего возраста – может быть, на несколько лет старше, в сером костюме и низко надвинутой на лоб шляпе в елочку. Я кивнула и пошла дальше – в конце концов, какое ему дело до моих планов? – но он обезоруживающе улыбнулся.

– Помню, как я первый раз плыл один через Атлантику, – сказал незнакомец, приближаясь, словно мы были старые друзья.

Мне понравился его британский акцент, и я задумалась о том, что он делал в Нью-Йорке.

– Мне было девять лет, и я перепугался до смерти.

– Вот как? – каменея, проговорила я. Я надеялась, что скрываю свои чувства, а чувствовала я себя, как маленькая девочка, которую оторвали от родителей. – А вот я совсем не боюсь.

Он кивнул, взглянув на мой чемодан, но я быстро спрятала его за спиной. Папин чемодан выглядел не очень эффектно, но другого у нас не было. Холщевина износилась и ободралась, а медные петли потускнели и стали бурого цвета.

– Так что вас влечет в Англию? – спросил он, сняв шляпу и вертя ее на указательном пальце.

Я судорожно искала ответ. *Что сказать?*

– Я, я… – замялась я. – Собираюсь работать в Лондонской оранжерее.

Глаза незнакомца заинтересованно расширились.

– Правда? Значит, вы ботаник?

– Ну, – начала я в надежде, что он не заметит моего смущения, – я…

– Моя мать любила ходить в Лондонскую оранжерею, – произнес он. – Это место заслуживает внимания.

– Да. Ну, я должна буду…

– Где вы будете работать? – спросил он, шагнув ко мне. – Я имею в виду, в какой теплице?

– М-м-м… ну, наверное, во всех.

Он кивнул и протянул руку:

– Меня зовут Десмонд.

Его зеленые глаза искрились теплым светом.

– Флора, – ответила я, быстро спрятав полоску бумаги, на которой был напечатан номер моего скромного места, явно далекого от воображаемой отдельной каюты, которую занял мой собеседник. – Я, пожалуй, пойду.

Подошел стюард.

– Могу я проводить вас до вашей каюты, мисс?

Я кивнула, оглядывая огромный океанский лайнер.

– Увидимся, – сказал Десмонд, снова надев шляпу и коснувшись края полей, и стал подниматься на верхнюю палубу.

– Вы в первом классе? – с сомнением в голосе поинтересовался стюард, посмотрев на трап, где скрылся Десмонд.

– Нет. Боюсь, что я, ммм, в третьем.

Он хмыкнул и подозвал другого стюарда, помоложе, который провел меня на нижнюю палубу, а потом еще ниже, в самое чрево корабля. Мы спустились в грязный полутемный коридор, и стюард остановился у какой-то двери без надписи.

– Ваша каюта, – равнодушно произнес он.

Внутри была койка с потертым одеялом и маленький столик, на котором в стеклянной вазе с мутной водой стояла увядшая желтая хризантема. Каюта была размером с кладовку в булочной, но и этой каморке я была рада, как пентхаусу: это было первое место, которое я могла назвать своим. Я удовлетворенно вздохнула, а мое «спасибо» прозвучало слишком восторженно. Стюард кивнул и удалился.

Я прижалась носом к крошечному иллюминатору, вытерев запотевшее стекло рукавом платья. За стеклом виднелся мол. Какое-то время я смотрела на него, пока не прозвучал рожок и машина не начала греметь и вибрировать. Пароход медленно вышел из гавани, словно ему не хотелось отправляться в путь. Но вскоре он набрал ход, и я смотрела, как морской туман медленным, ровным и глубоким глотком проглатывает город. Что говорила моя мать? Да: «Кошелек всегда держи при себе. На этих пароходах воруют». Как будто она что-то знала о пароходах!

Я обещала в тот день встретиться с мистером Прайсом и поэтому рискнула выйти за дверь и прошла по синему коврику коридора один поворот, а потом еще один.

– Простите, сэр, – робко обратилась я к какому-то моряку, – вы не могли бы мне сказать, как пройти на прогулочную палубу?

Он с изумлением посмотрел на меня:

– Ищете жилье получше?

Мои щеки зарделись.

– Ну, да… то есть нет, – ответила я, сбиваясь. – У меня там кое с кем назначена встреча.

Он пожал плечами и указал на трап:

– Дело ваше.

На прогулочной палубе я встретила мистера Прайса, и он попросил меня сесть рядом с ним.

– Я рад, что вы пришли, – сказал он, оглядев меня. – Вы не говорили родителям о нашей договоренности?

Я покачала головой. Мне не понравилось, что он говорит о родителях.

– Конечно, не говорила.

– Хорошо, – проговорил он, прежде чем сделать долгий глоток мартини. Когда он поставил бокал на стол, несколько капель сползли через край на внешнюю поверхность. – А кому-нибудь еще?

Я вспомнила молодого человека, которого встретила при посадке на корабль, Десмонда. Но решила о нем не упоминать:

– Нет.

Мистер Прайс кивнул:

– Итак, я уже говорил вам, что вы будете работать няней в одном поместье. Но я не сказал точно, что вы там будете делать.

Я ждала.

– Я руководитель международной сети похитителей цветов, – проговорил он.

Услышав эти слова, я разинула рот. Он словно выпрыгнул со страниц романа – рядом со мной, ухмыляясь, сидел главарь банды.

– Конечно, нам не очень нравится считать себя ворами, – сказал он с невинной улыбкой, заметив мою реакцию. – Мы просто посредники. Некоторые ценные экземпляры в вашем любимом Нью-Йоркском ботаническом саду попали туда от людей, с которыми я работаю. Дело в том, что цветы – такой же товар, как любой другой. Если кто-то готов заплатить, мы готовы доставить его куда угодно.

Я осторожно кивнула. Мне вспомнились розы, лилии, редкие гардении в восточном крыле – неужели они были приобретены нечестным образом, выкопаны в темноте из чьей-то клумбы? Это было печально, неправильно. Мои щеки горели.

– Мистер Прайс, как вы только можете…

– Нет смысла рассказывать вам подробности, – продолжил он. – Это мое дело. Вам нужно лишь знать, что некий клиент положил глаз на редкое дерево, которое, как он полагает, растет где-то в тех краях. Камелия. И он готов заплатить за него целое состояние, а ваша работа состоит в том, чтобы разыскать это дерево.

– Не понимаю, – сказала я. – Вы хотите, чтобы я разыскала *дерево*? Но это может сделать любой!

– Нет, – ответил он. – Это частное владение, а в частное владение попасть трудно – то есть если вы не относитесь к числу работников, которым доверяют.

У меня заныло под ложечкой.

– Вот, – сказал он, порывшись в кармане и вытащив мятый конверт с фотографией.

Даже на черно-белом фото было видно, что это поразительный экземпляр камелии. Я перевернула карточку и прочла: «миддлберийская розовая».

– Когда-то она росла в королевском саду Букингемского дворца, – продолжал мистер Прайс, – но по какой-то причине семян не сохранилось, и с годами вид был утерян. Если верить моему источнику, последнее известное дерево этого вида могло расти в поместье Ливингстонов.

Я не отрывала глаз от фотографии.

– А почему ваш клиент просто не поедет туда и не заберет его сам?

– Это совсем не так просто, – ответил он со снисходительной усмешкой. – В поместье растет по меньшей мере сто разновидностей камелий. Вероятно, дерево имеет очень короткий период цветения. – Он закурил. – А поскольку вы будете наняты няней к детям лорда Эдварда Ливингстона, то сможете дождаться, пока дерево зацветет. Это идеальное решение. Няню никто не заподозрит – пока не обнаружат пропажу дерева, а к тому времени вы уже будете далеко.

– Но я не умею обращаться с детьми, – сказала я, испытывая паническую дрожь. – Как я справлюсь?

– Очень просто. Войдете к ним в доверие, потом спросите про камелию. Когда разыщете ее, напишите мне. – Он протянул карточку с лондонским адресом. – Не звоните. Наш разговор могут услышать.

Я кивнула:

– И все-таки я не понимаю. Зачем тому человеку эта камелия? Что он будет с ней делать?

Мистер Прайс прищурился, потом пожал плечами и проговорил:

– Какого черта! Ладно, скажу. – Он зевнул. – Ее хочет заполучить некое высокопоставленное лицо в Третьем рейхе. Для своей любовницы.

– В *Третьем рейхе*, – в ужасе повторила я. В животе у меня все перевернулось. – Но как вы могли… Как я смогу… Конечно, не смогу.

– Послушайте, мисс Льюис, – строго сказал он. – Технически вы не сделаете ничего предосудительного. Все, что от вас требуется, – найти дерево, сообщить о нем и получить оплату. Все очень просто. Товар – деньги. Остальное предоставьте мне.

– Но…

Он поставил свой бокал с мартини и стал выуживать со дна маслину.

– Вам ведь не наплевать на своих родителей, правда?

Я кивнула, вспомнив, как вышибатель долгов разбил папе лицо.

– И вам бы хотелось, чтобы они расплатились с долгами и немного отдохнули, правда?

– Да, – пробормотала я, вытирая платком глаза.

– Тогда *отыщите эту камелию*.

Не находя себе места в каюте, я решила прогуляться по палубе. Поднялся ветерок, но мне не хотелось возвращаться в каюту за пальто. Вместо этого я уселась на скамейку в западной части парохода, где не было такого сильного ветра, и достала блокнот и карандаш. Из головы не выходила камелия, которую меня наняли отыскать, и я нарисовала на листке бумаги ее нежные лепестки, ее большие округлые листья. *Неужели я пройду через все это?*

– О, здравствуйте еще раз!

Я подняла голову и увидела Десмонда, который направлялся ко мне.

Поскорее спрятав блокнот в сумочку, я быстро проговорила:

– Здравствуйте.

– Вам, наверное, холодно здесь, – сказал молодой человек, садясь рядом. – Вот, наденьте. – Он снял пальто. – Мне и так хорошо. Я люблю свежий воздух.

Он накинул пальто мне на плечи, и я была благодарна ему за участие.

– Я настаиваю. Мама воспитывала меня не для того, чтобы я спокойно наблюдал, как молодая леди ежится от холода рядом со мной.

Я немного успокоилась, а пароход накренился вправо.

– В первые дни всегда немного качает, – сказал Десмонд. – Скоро это пройдет.

Я кивнула.

– Я видел вас на прогулочной палубе. Это был ваш приятель?

Я покачала головой и категорично ответила:

– Нет, – в надежде, что он не слышал нашего разговора с мистером Прайсом. – Это…

– Я… Я понимаю, что это, конечно, не мое дело, – забормотал он, – но я…

– Это деловой партнер.

– О, из оранжереи? – спросил он.

– Да, – быстро ответила я.

Солнце начинало садиться. Горизонт окрасился в персиковый цвет.

– Вы всегда жили в Лондоне?

Десмонд снял шляпу и почесал в затылке.

– Да, – неторопливо ответил он. – Ну, по большей части за городом, но у моего отца есть дом в Лондоне.

Я кивнула, представив себе мир, из которого он пришел, – столь отличный от моего.

– И что вы делали в Америке?

Он пригладил свои светлые, песочного цвета волосы.

– О, просто приводил в порядок некоторые дела.

Я понимающе посмотрела на него. Конечно же, я не могла рассчитывать на то, что он расскажет мне подробности своей жизни. Да и сама я не была с ним откровенна.

Пароход качался на морских волнах, как в колыбели, и мы несколько мгновений посидели молча.

– Можно, я кое в чем вам признаюсь? – наконец спросил Десмонд.

Я кивнула.

– Когда я был в Нью-Йорке, – проговорил он осторожно, – я чуть было не решил там остаться. – Его глаза не отрывались от горизонта.

– Почему же не остались?

Он пожал плечами:

– Долг. Шесть месяцев назад я вступил в Британскую армию. И скоро меня отправят на фронт.

– О, – с тревогой воскликнула я.

В булочной я мало знала про войну, лишь иногда читала тревожные заголовки газет. Но теперь? Мой собеседник в сером костюме с водяной пылью на плечах олицетворял ее.

– В Нью-Йорке я чувствовал себя таким свободным, ничем не обремененным, – продолжал он. – Меня подмывало бросить все и остаться. – Десмонд улыбнулся. – Начать все с начала, понимаете? – Он покачал головой. – Но я должен закончить начатое.

Я снова кивнула, думая о камелии и той лжи, в которую впуталась.

– Я понимаю, что вы имеете в виду.

И тут с верхней палубы донеслась музыка.

– Ах, чуть не забыл, – сказал Десмонд. – Сегодня вечером капитан приглашает на бал. Вы видели приглашение?

У меня покраснели щеки. Конечно же, пассажирам третьего класса не подсовывали под дверь таких приглашений.

– Да, – сказала я, и тут же мне стало стыдно. Но Десмонд взял меня за руку, и все тревоги мгновенно растаяли.

– Пойдемте, – сказал он. – Вместе.

– Но я не одета для бала, – засомневалась я, глядя на свое простое синее платье. – Я ничего не взяла с собой для такого случая.

– Ерунда, – ответил он. – Вы и так выглядите великолепно. И потом, нам не обязательно заходить внутрь, если не хотите. Мы можем слышать музыку и пить шампанское в холле.

– Ну, тогда…

– Прекрасно! – воскликнул он. – Значит, договорились.

Мимо спешили дамы в вечерних нарядах под руку с изысканно одетыми мужчинами. Я чувствовала себя нелепо и подумала, как бы отнесся мистер Прайс к моему присутствию здесь. Я огляделась в надежде, что не увижу его в бальном зале.

– Добрый вечер, сэр, – поприветствовал Десмонда стюард, прежде чем обратиться ко мне. Мне показалось, что он удивлен, но постаралась не обращать внимания. – Добрый вечер, мадам. Шампанского?

– Да, спасибо, – сказал Десмонд. Взяв с подноса у стюарда два полных бокала, он протянул один мне.

Я рассматривала, как за стеклом поднимаются пузырьки. Десмонд выпил, и я последовала его примеру. Я впервые попробовала шампанское, и мне понравилось. Как только я допила, снова появился стюард с подносом. Я чувствовала, как по всему телу разлилось тепло, и когда Десмонд предложил пойти подышать воздухом, холодный ветер уже не досаждал, как раньше, тем более на мои плечи был накинут пиджак Десмонда.

Музыканты заиграли медленную мелодию, и Десмонд улыбнулся:

– Потанцуем?

– Да, – ответила я, чувствуя себя легко и раскованно. Интересно, что подумает мистер Прайс? Но я быстро отогнала эту мысль.

Десмонд прижал меня к себе, и мы закачались под музыку под звездным небом. Он взглянул вверх и показал рукой:

– Смотрите, эта звезда пытается связаться с нами.

Я улыбнулась:

– Правда?

– Да, – ответил он. – Знаете, у звезд собственный язык. Если постараетесь, можете ему научиться.

– Хорошо, Аристотель, – сказала я. – Так что эта звезда хочет сказать?

Он несколько мгновений смотрел на небо, глядя на мерцание звезд.

– И?

Он погрузился в свои мысли, а потом посмотрел на меня.

– Я так и думал.

– Так вы скажете мне?

– Не могу, – усмехнулся он.

– Похоже, вы что-то скрываете, – сказала я, украдкой взглянув на него.

Я положила голову на грудь Десмонда, и какое-то время мы раскачивались вместе, пока я не ощутила, как кто-то похлопывает меня по плечу.

Подняв голову, я увидела мистера Прайса.

– Извините, мисс Льюис, – проворчал он, как пес, охраняющий свою территорию. – Время позднее. Вам не кажется, что пора пробираться в свою каюту?

Я уронила руки и шагнула в сторону.

– Я только…

– Мисс Льюис, – строго повторил мистер Прайс, бросив на меня суровый взгляд.

Я обернулась к Десмонду. Он казался растерянным и озабоченным.

– И правда, – сказала я ему, – уже поздно. Спасибо за чудесный вечер.

Десмонд кивнул, несмотря на очевидную досаду; я повернулась и последовала вслед за мистером Прайсом к лестнице, застеленной синей ковровой дорожкой.

– Мисс Льюис, – сказал мне мистер Прайс, останавливаясь у дверей моей каюты, – советую вам до окончания поездки вести себя более сдержанно.

– Да, сэр, – ответила я.

Он удалился по длинному коридору, и когда свернул за угол, я вставила ключ в скважину, но быстро обернулась, услышав за спиной «пссст!».

Из каюты напротив высунула голову какая-то женщина на несколько лет старше меня.

– Простите, – сказала она. – Можно сказать вам пару слов?

– Мне? – удивилась я.

Она вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

– Да. Это важно.

– Хорошо, – кивнула я.

– Лучше поговорить там, – сказала она, подойдя ко мне, – в вашей каюте.

Мы вошли ко мне, и я закрыла дверь.

– Вы работаете с мистером Прайсом, – сказала женщина, – не так ли?

Я покачала головой:

– Не понимаю, о чем вы.

– Не надо притворяться. Мне все про него известно. Я сама работала на него.

Я удивленно разинула рот:

– Вот как?

– Да, – сказала она. – Я видела, как вы сегодня разговаривали на верхней палубе, и поняла, что вы одна из его девушек.

– Ну, я… Что ж, да, – наконец призналась я. – Но поймите меня, я вынуждена это делать. Ради моей семьи.

– Я так и подумала, – понимающе улыбнулась она. – Но существуют и другие способы.

Я покачала головой:

– Я уже взялась за это. Теперь назад дороги нет.

– Есть, – возразила женщина. – Подумайте об этом как следует. Поверьте, не стоит вам связываться с этим человеком. Я сама пытаюсь выпутаться.

Я кивнула.

– Меня зовут Джорджия.

– Флора, – представилась я.

– Приятно познакомиться, Флора.

Она повернулась к двери, но потом оглянулась:

– Советую до конца поездки оставаться в каюте. Скажите стюарду, что плохо себя чувствуете, и пусть приносит еду сюда. Чем меньше будете видеть мистера Прайса, тем лучше. А когда причалим, вы можете скрыться в Лондоне. Я могу помочь вам найти средства на обратный билет.

Я подумала о Десмонде, об отце и о людях, которые ему угрожали. План Джорджии казался нереальным.

– И, пожалуйста, что бы вы ни решили, не говорите мистеру Прайсу, что виделись со мной.

Глава 3. Эддисон

Я ощутила, что кто-то легонько потрепал меня за плечо.

– Милая, – шепнул мне Рекс, – мы приехали.

Я открыла глаза и всмотрелась в картинку за окном.

– Вот так раз! Ты не говорил мне, что твои родители купили *Букингемский дворец*!

Рекс усмехнулся:

– Довольно просторное здание, правда?

– *Просторное* – не то слово, – ответила я, не в силах оторвать глаза от поместья. – Оно *грандиозное*.

Над нами возвышалось трехэтажное строение замысловатой архитектуры. По кладке покорно расползся светло-зеленый плющ. На третьем этаже я заметила слуховое окно, и мне показалось, что там колышется занавеска. Мой взгляд снова встретился с глазами Рекса.

– Ты вроде бы говорил, что дом пустует?

– Ну да, – ответил он, выходя на засыпанную гравием подъездную дорожку. – Никого, кроме домоправительницы. – Он усмехнулся. – Отец говорил, что приобрел ее вместе поместьем.

– О! – воскликнула я, скользя по сиденью, пока он не взял меня за руку и не помог вылезти.

Я почувствовала, как под ногами хрустит гравий. Рекс обернулся ко мне:

– Войдем?

Он взял у водителя сумки и направился ко входу.

Шофер такси кашлянул, и я обернулась:

– Ой, муж не заплатил вам?

– Все в порядке, мэм, заплатил, – поспешно ответил он. Сдвинув шляпу и нервно потирая лоб, он смотрел на старое здание. – Просто дело в том… Ну, вы ведь знаете про это старинное поместье?

Я нахмурилась.

– Что знаю?

Рекс ушел уже слишком далеко, чтобы слышать наш разговор.

– Моя мама суеверна, – сказал шофер, на шаг приблизившись ко мне и с любопытством разглядывая фасад. – Она говорила, что это единственное место в Клайвбруке, куда бы она не посмела и шагу ступить. – Он тихонько покачал головой, не отрывая глаз от поместья, потом наконец прикоснулся к шляпе и с нервной улыбкой произнес: – Простите, я не хотел вас тревожить.

– В чем дело? – спросил Рекс, когда я догнала его.

– Его мама считает, что дом заколдован, – ответила я, глядя на двух каменных львов по бокам от парадной лестницы.

– Ха, заколдован? – Рекс быстро поднялся по лестнице, а потом вдруг обернулся ко мне и крикнул страшным голосом: – Бу!

От неожиданности я отскочила назад.

– Прекрати! – крикнула я.

Рекс поставил сумки и взял меня на руки. По его серьезному лицу я поняла, что он больше не шутит.

– С тобой все в порядке, Эдди? – спросил он, заглядывая мне в лицо.

– Конечно, в порядке, – ответила я, как будто оправдываясь. – А что?

– Ты в последние дни выглядишь какой-то издерганной.

– Извини, – сказала я, слегка смутившись. – Наверное, на меня очень подействовала эта поездка…

Он прижал нос к моему. Рекс всегда умел читать мое настроение, как в тот день, когда я вернулась с работы больная.

– У тебя мигрень, – сказал он тогда.

Я спросила, как он узнал, но он только пожал плечами.

– Когда она начинается, у тебя глаза становятся другими.

Теперь я ощутила, как при мысли о телефонных звонках, при мысли о *нем* сдавило грудь, но выдавила улыбку.

– Ты такой милый, – сказала я, – но со мной все прекрасно. Правда. Я очень счастлива, что оказалась здесь, – я махнула рукой в сторону поместья. – Вместе с тобой.

Он нежно поцеловал меня в запястье, но глаза по-прежнему были тревожными.

Перед нами откуда ни возьмись появилась старая женщина, она словно материализовалась ниоткуда. Ее легкие, как дымка, длинные седые волосы были зачесаны за уши, открывая вытянутое лицо с темными, глубоко посаженными глазами и впалыми бесцветными щеками. На ней было темно-синее платье с небольшими буфами на плечах и завязанный на талии накрахмаленный белый передник. Руки она сцепила на животе.

– Добро пожаловать в Ливингстон-Мэнор, – почтительно проговорила она своими тонкими губами, которые на мгновение изогнулись в стесненную улыбку, а потом уголки рта снова опустились вниз.

– Спасибо, – ответил Рекс, протягивая руку. – Я Рекс Синклер, а это моя жена Эддисон. А вы, должно быть, миссис Диллоуэй? Отец говорил, что вы работаете здесь с 1930 года. Это впечатляет.

– Да, – без всякого выражения подтвердила женщина. Она с любопытством посмотрела на меня, и я задумалась о том, как я выгляжу в сравнении с другими женщинами, приезжавшими в поместье в прошлые годы, – с дамами, несомненно, в безупречных платьях и с безупречными прическами. Я откусила заусеницу на большом пальце левой руки. Жаль, что забыла взять с собой губную помаду.

Рекс доброжелательно смотрел на пожилую женщину.

– И вы одна тут управляетесь?

– Я, кухарка миссис Клейн и еще я наняла мальчика, чтобы время от времени ухаживал за садом. Да, и по субботам приходит девушка помогать мне со стиркой, – ответила миссис Диллоуэй, бросив на меня строгий взгляд.

Рекс носком ботинка поворошил гравий, раздавив муравья, потом с любопытством взглянул на домоправительницу.

– Отец сказал, что вы желаете по-прежнему здесь работать, и я этому очень рад, но мне бы хотелось, чтобы вы знали: мы с женой можем и сами прекрасно следить за домом. Я хочу сказать, что если вы захотите на лето куда-то уехать, то мы не будем возражать.

Я понимала, к чему Рекс ведет. Старушке давно пора на покой, хватит уж менять здесь постельное белье.

– Мистер Синклер, – проговорила она чопорно, – Ливингстон-Мэнор – мой дом. И всегда будет моим домом. Поэтому я почтительно прошу уважить мою просьбу оставить меня здесь, для того чтобы служить вам.

Рекс согласно кивнул:

– Договорились.

Миссис Диллоуэй облегченно вздохнула:

– А теперь войдемте в дом.

У меня в кармане загудел мобильник, но я решила не отвечать.

Глава 4. Флора

11 апреля 1940 года

На второе утро после отплытия, когда я уже позеленела от морской болезни, в дверь моей каюты кто-то постучал.

– Кто там? – спросила я с койки, не в силах встать. Я решила, что это, должно быть, стюард принес завтрак. По мне, так он мог бы выбросить свой поднос за борт. Никогда я не чувствовала себя так паршиво, и меня все больше настораживала предстоящая работа.

– Флора? – приглушенно послышался из-за двери голос Джорджии.

Я села на койке. Мгновенно закружилась голова, и я схватилась за столик рядом, потом лихорадочно пригладила волосы.

– Флора, ты там?

Я посмотрелась в овальное зеркало на стене. Бледная и невзрачная. В ночной сорочке. Джорджия снова постучала, на этот раз громче и решительнее.

– Минутку, – крикнула я, протягивая руку за розовым халатом, что висел на дверном крючке.

Повернув дверную ручку, я высунула нос в щель.

– Слава богу, – сказала Джорджия, – а то я уже забеспокоилась.

Она быстро протиснулась мимо меня и посмотрела так, будто видит меня впервые.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Нет, – раздраженно ответила я.

– Я подумала, может, тебе захочется что-нибудь почитать.

– Пожалуй, – сказала я, – а то я слишком долго смотрела в эту стену.

– Тогда вот. – Она протянула мне роскошный том в черном кожаном переплете.

Я посмотрела на корешок и прочла: «Вирджиния Вулф. Годы»[2].

– Думаю, тебе понравится, – сказала Джорджия. – Я прочитала эту книгу, когда впервые ехала из Нью-Йорка в Лондон.

– Что угодно, лишь бы отвлечься от этой тошноты.

Я открыла книгу на первой странице и прочла: «Весна была неровная». Да, так оно и было.

* * *

14 апреля 1940 года

Делать было нечего, и все оставшееся время поездки я читала. Закончила я книгу как раз в последний день, и только тогда вернулась к началу и увидела на форзаце надпись:

Флора, на самом деле мы всегда знаем, как поступить правильно. Трудность же заключается в том, чтобы именно так и поступить.

Удачи!

Джорджия

Я засунула книгу в сумку и, когда паковала чемодан, подумала, насколько все изменилось за столь короткое время поездки. В Нью-Йорке было правильное и неправильное, а теперь?

[2] Роман написан английской писательницей в 1937 г., считается одним из самых значительных ее произведений. (Прим. ред.)

Теперь, даже несмотря на намеки Джорджии, я поняла, что кроме черного и белого существует и серое. Мне страшно не нравилось то, чем мне предстояло заниматься, но я взялась за это ради родителей. И теперь, когда уже зашла так далеко, назад дороги нет, даже если Джорджия полагает, что выбор по-прежнему существует.

Я надвинула поля шляпки пониже на лоб и рискнула выйти. Потом отыскала путь на причал. Мистер Прайс позаботился о такси, чтобы отвезти меня на вокзал, где я села на поезд до Лондона, а из Лондона, опять на такси, добралась до Клайвбрука. В глубине души я надеялась еще раз увидеть Десмонда, но, следуя совету мистера Прайса, всю дорогу пробыла одна. Может быть, Десмонд искал меня, но теперь уже не имело смысла думать об этом. У меня работа, которую нужно выполнить, и больше я никогда его не увижу.

Хорошо, что на поезде из Ливерпуля в Лондон не было Джорджии. Я уже все решила. Глядя в окно на пролетавшие мимо туманные пейзажи, я улыбнулась молодой матери, сидевшей напротив меня. Она вытащила из сумки буханку хлеба, разломила и дала кусок своему крошечному сыну, сидевшему рядом. На нем была кепка и комбинезон, он обрадовался хлебу и быстро засунул ломоть в рот. Женщина протянула хлеб и мне:

– Не желаете кусочек, мисс?

Я заметила заплатку у нее на рукаве и с улыбкой покачала головой:

– Нет, спасибо. Вы очень любезны, но я не голодна. Позавтракала на пароходе.

Мальчик посмотрел на меня из-за матери и улыбнулся. *А что бы они подумали, если бы знали, кто перед ними? Если бы знали, что я приехала в их страну совершить преступление?* Я закусила губу. Но я ведь ничего не украду. Мистер Прайс сказал, что мне предстоит только распознать редкую камелию и сообщить ему. Это совсем не кража, убеждала я себя. И все же чувство вины разрасталось во мне, как раковая опухоль.

Когда поезд прибыл в Лондон, я собрала вещи, вышла на улицу – медленно, на свинцовых ногах – и достала из сумочки адрес: Ливингстон-Мэнор, дом 11, Вестленд-Драйв, Клайвбрук. Ну, вот и все.

Подъехало такси.

– Подвезти, мисс? – крикнул из окошка шофер.

Я выдавила улыбку:

– Да. Можете отвезти меня в Клайвбрук?

– Запросто, мисс.

Он выскочил забрать мой багаж.

В машине я откинулась на сиденье и тяжело вздохнула. Потом достала из сумочки фотографию камелии.

Шофер завел двигатель, медленно вырулил на улицу и вдруг резко затормозил.

– Вы знаете его? – спросил он, рассматривая что-то в зеркале заднего вида.

– Кого? – переспросила я, оборачиваясь.

На тротуаре стоял Десмонд и махал рукой. Наверное, он увидел, как я сажусь в машину. Он казался немного грустным. Мне захотелось выскочить и подбежать к нему, но что я могла ему сказать? А если сказать правду, что он подумает?

– Не хотите, чтобы я сдал назад, мисс? – спросил шофер.

Я крепче сжала в руке фотографию.

– Нет, – ответила я и помахала Десмонду рукой, беззвучно выговорив слово «извините», чтобы он прочел по губам. – Нет, – повторила я. – Пожалуйста, не останавливайтесь.

– Слушаюсь, мэм, – ответил он и нажал на газ.

Глава 5. Эддисон

Миссис Диллоуэй показала нам наше жилище – несколько больших комнат, выходящих в сад.

– Раньше здесь жил сам лорд Ливингстон, – сказала она. – Конечно, когда он перешел в мир иной, комнаты переделали для лорда Эбботта – он несколько лет жил здесь.

Ее взгляд наполнился воспоминаниями, она провела рукой по темной отделке и тут же, быстро отдернув руку, продолжила:

– Полотенца вы найдете в ванной. Попросить миссис Клейн приготовить что-нибудь на обед?

– Не стоит, – ответил Рекс. – Мы перекусили в Лондоне.

Я подошла к боковому окну и взглянула на рощицу вдали. По изумрудно-зеленым листьям бегали разноцветные пятнышки – розовые, красные и даже белые. Эффект получался изумительный.

– Понятно, – проговорила миссис Диллоуэй, поворачиваясь к двери.

– Погодите, – попросила я. – Этот сад такой прелестный. А деревья там, вдали – это камелии, верно?

Миссис Диллоуэй поджала губы.

– Да.

– Я никогда не видела их в таком количестве, – сказала я и помолчала, чтобы полюбоваться дивными растениями. Сезон их цветения, конечно, уже прошел. Одни цвели раньше, другие позже, но подавляющее большинство камелий прекраснее всего ранней весной, при свежей бодрящей погоде. Но и по нескольким оставшимся цветкам было легко представить сад на пике его великолепия, подобно раскрашенным розам Дамы Червей из «Алисы в Стране чудес».

– Все, я могу идти? – коротко спросила миссис Диллоуэй.

Похоже, она не привыкла к разговорам.

Я кивнула и повернулась к окну.

Рекс обнял меня рукой за талию и пристроился рядом. С озорной улыбкой он сделал жест в сторону кровати красного дерева с идеально разглаженным пуховым одеялом.

– Теперь я лорд, а ты леди этого дома.

Я отстранилась и быстро проговорила:

– Не теперь, милый. Нам еще столько вещей распаковывать.

– Угу, – обиженно хмыкнул он и, усевшись на кровать, стал теребить воротник рубашки.

Как бы мы ни были счастливы и как бы ни любили друг друга, всегда у нас в комнате будет огромный слон, который преследует нас повсюду, напоминая о том, что Рекс хочет детей, а я не хочу. Я слабо улыбнулась.

– Да к тому же эта домоправительница слоняется рядом… – Я поцеловала его в щеку. – Давай вечером?

Рекс широко улыбнулся.

– Это место идеально для твоих изысканий, – сказала я, меняя тему. – Ты заметил ту жуткую старую черную лестницу, когда мы поднимались?

– Да. Это для слуг?

Я кивнула:

– В старых фильмах ужасов убийца всегда убегает по такой лестнице.

– В этом доме явно чувствуется дух Альфреда Хичкока, верно? – Муж повесил свой пиджак на стул. – Я не мог поверить, что мои родители купили его за сущие гроши – и вместе со всей мебелью.

– А что за слухи ходят об этом доме? – спросила я, глядя на портрет сурового с виду, но красивого мужчины. – Очень странно, что хозяева продали все свои семейные реликвии.

Рекс пожал плечами:

– Насколько я знаю от мамы, лорд Ливингстон умер в шестидесятые годы, и миссис Диллоуэй осталась ухаживать за одним из его сыновей. Бедняга страдал от осложнений после детского заболевания. И его состояние все время ухудшалось.

– Так он умер?

– Да. В прошлом году, и тогда семья выставила дом на продажу. Мама говорила, что это была невероятно странная сделка. Юрист, занимавшийся продажей, настаивал, чтобы вся мебель и произведения искусства остались в доме.

– Тут что-то не то… Какая-то тайна, – сказала я, проводя рукой по краю стола красного дерева. – Думаешь, у семьи были какие-то сентиментальные привязанности?

– Думаю, нет, – ответил он. – Отец рассказывал мне про одного из наследников. – Рекс почесал в затылке, словно вспоминая подробности. – Он несколько лет, вплоть до своей смерти, не разговаривал со своим отцом. Наверное, какая-то семейная распря.

Мне вспомнились слова шофера такси про этот дом.

– Рекс, ты думаешь, здесь что-то *произошло*?

– Кто знает? – ответил он с легкой усмешкой. – Может быть, домоправительница припрятала в подвале кучу трупов.

– Ш-ш-ш! А что, если она услышит? – Я начала распаковывать одежду из чемодана и развешивать в стенном шкафу. – И мне ее немного жаль. Представь: работать домоправительницей на девятом десятке.

Рекс пожал плечами:

– Отец, покупая дом, предложил выплатить ей щедрое выходное пособие, но она сама настояла на том, чтобы остаться.

Я осмотрела комнату, антикварную мебель, хрустальную люстру под потолком.

– Должно быть, она чувствует себя хранительницей этого места.

Рекс склонил голову.

– Может быть. А может, что-то скрывает. – Он вытащил свою тетрадку и что-то быстро записал. – Смотри, все сходится. Зачем еще оставаться на службе более чем на полвека, даже когда все хозяева и их родня умерли или уехали? Тут материал для романа.

– Вот видишь, ты сам об этом говоришь, – проговорила я.

Он возбудил и мое любопытство. Я подошла к окну и посмотрела на пологие холмы, поросшие кустами и деревьями. А потом меня охватила ностальгия. Я ощутила тоску по люпинам, астрам, редким сортам маков, что вырастила из семян несколько месяцев назад в своем нью-йоркском садике. Это было бы симфонией красоты и цвета для… белок.

Присев на туалетный столик, я провела расческой по своим светло-русым волосам. Я так старалась скрыть свое прошлое, а теперь оно рычало и угрожало, как бешеный зверь в клетке. Я покрутила на пальце обручальное кольцо.

– Пожалуй, приму душ, – сказал Рекс, роясь в своем чемодане. – Ты случайно не упаковала мою бритву?

– Извини, нет.

– Ладно. Съезжу в город и куплю. Тебе что-нибудь надо?

– Нет, – ответила я, – у меня все есть. Погоди, нет… Шоколадку. Мне нужна шоколадка.

Усмехнувшись, Рекс потянулся к своему пальто на столике в углу.

– Скоро вернусь, – сказал он.

Когда он уехал, я посмотрела на свое отражение в огромном золоченом зеркале и подумала, сколько графинь и других знатных дам смотрелись в это же самое зеркало времен короля Эдуарда – завитые, несомненно, затянутые в шнурованные корсеты. Взглянув на свой неряш-

ливый купленный в «Гэпе» серый кардиган и черные хлопковые лосины, я содрогнулась от чувства неловкости. Вот он снова – этот укоренившийся страх, что гнетет меня с детства, нашептывая: «Ты не так уж хороша».

Чтобы отвлечься, я схватила пульт, включила телевизор и прослушала новости CNN. Снова беспорядки в Израиле. В Ираке разбился вертолет. Я быстро выключила телевизор, подошла к выходящему в сад широкому окну и раздвинула желто-белые тюлевые плиссированные занавески. Дизайнер Лидии, до того декорировавший лондонскую квартиру Найджелле Лоусон[3], убеждал мою свекровь сохранить традиционный облик старого здания, и, слава богу, убедил. Дочь застройщика, она собиралась перестроить дом, чтобы проводить там выходные. Но ее первоначальное намерение выпотрошить многовековое поместье и придать ему открытый минималистский дух казалось мне неправильным. Это все равно что взять и установить белый штакетник вокруг произведения Франка Ллойда Райта[4]. К счастью, ее отговорили от такой радикальной перестройки. Но кое-какие реконструкции все же предстояли. Рекс сказал, что архитектор уже чертит планы. Мне оставалось надеяться, что единство и гармония дома и сада сохранятся.

За окном на подъездной дорожке стоял Рекс перед старомодным автомобилем, по-видимому «Роллс-Ройсом». Его отец их коллекционировал, и Рекс, зайдя в гараж, был в восторге от автомобиля. К нему подошла какая-то женщина, и я нагнулась, чтобы лучше рассмотреть. Ее светлые волосы были завязаны в дурацкий пучок, и она была в темных солнечных очках. Я наклонилась ниже. *Это еще кто такая?* Она заговорила с Рексом. Оглянувшись на дом, он покачал головой. Они обменялись несколькими словами, потом она протянула ему большой конверт и направилась к стоявшему поодаль синему кабриолету. Рекс залез в свою машину. Оба одновременно завели двигатели. Прижавшись к стеклу, я смотрела, как машины удаляются. *Вероятно, просто кто-то из прислуги*.

Я ждала, когда Рекс вернется, но через полчаса рискнула сама спуститься вниз. Миссис Диллоуэй предлагала провести меня по поместью, но где же она? Заполнявшую дом благопристойную тишину нарушало только тиканье старинных стенных часов с маятником. Миновав замысловато обшитую филенками стену, богатую лепнину и картины, изображавшие пасторальные сцены из английской жизни, я миновала фойе и вошла в восточную часть здания. Мое внимание привлек шкаф у окна. Его двери из старой древесины были покрыты витиеватой резьбой в виде цветов. Протянув руку к стеклянной ручке, я попыталась открыть дверцу, но ее заело. Я потянула сильнее, и ручка осталась у меня в руке. За спиной у меня послышалось покашливание. Я покраснела, встретившись глазами с миссис Диллоуэй.

– Ой, здравствуйте, – виновато проговорила я. – Я восхищалась этим шкафом. Но, боюсь, я сломала ручку. Извините, пожалуйста. Я уверена, что смогу…

– Дайте мне, – строго проговорила миссис Диллоуэй. Она подошла ко мне, взяла ручку и положила в карман. – Я починю.

– Простите меня, – повторила я.

– Ничего страшного, – ответила она, хотя я видела, как побагровело ее лицо. Она не доверяла мне и не хотела, чтобы я рыскала по поместью и открывала шкафы, которые во что бы то ни стало должны оставаться закрытыми. – А теперь не желаете ли осмотреть остальные помещения? – спросила она, глядя на лестницу.

– Да, но, может быть, лучше дождаться Рекса. Я знаю, что он хотел осмотреть все основательно, – сказала я и в некотором раздражении отвернулась к окну. – Он наверняка скоро вернется. Он поехал купить станок для бритья.

---

[3] Найджелла Лоусон – британская журналистка и телеведущая.

[4] Франк Ллойд Райт – американский архитектор; проповедовал «открытый план».

– Ах да, – проговорила миссис Диллоуэй, – ваш муж позвонил и сказал, что задержится в городе на пару часов. Сказал, что у него там *деловая* встреча.

– Деловая встреча? – удивилась я. Какие дела могут быть у Рекса в этом городе? Ведь он только что приехал и никого не знает. – Не понимаю. А больше он ничего не сказал?

– Нет, – медленно выговорила миссис Диллоуэй, с любопытством рассматривая меня; ее руки были сцеплены на животе, как при нашей первой встрече.

– Ерунда какая-то, – еле слышно пробормотала я. – Почему он не позвонил мне?

Но, достав из кармана свой мобильник, я убедилась, что батарейка разряжена.

Вслед за миссис Диллоуэй я прошла в дверь и вдруг остановилась перед книжным шкафом, вспомнив, что оставила свою книгу в самолете.

– Может быть, я возьму что-нибудь почитать? – сказала я и встретила взгляд миссис Диллоуэй. – То есть если вы не возражаете, конечно.

– Разумеется, не возражаю, – ответила она, хотя ее лицо говорило, что возражает, и еще как.

Я вытащила какую-то книгу в синем кожаном переплете и прочла на обложке: «Вирджиния Вулф. Годы».

– Как странно, – проговорила я. – Мой ассистент Кара как раз говорила мне, что, когда я окажусь в Англии, мне непременно нужно прочесть эту книгу. Персонажи книги вроде бы жили в доме, похожем на этот.

Я проследовала за миссис Диллоуэй в фойе, где наши глаза снова встретились. В ее взгляде мелькнула улыбка – всего на мгновение, а потом она снова поджала губы.

– В чем дело? – спросила я, надеясь, что ничем не обидела ее.

– Нет-нет, ни в чем, – ответила она и помолчала. – Я, кажется, позабыла, как звучит американский акцент. – На мгновение она вроде бы смягчилась. – Вы напомнили мне одну особу, которая жила здесь много лет назад.

Глава 6. Флора

– Ну, вот мы и на месте, – сказал шофер, когда мы въехали в Клайвбрук. – Какой там был адрес, мисс?

Городок оказался меньше, чем я ожидала, – всего несколько лавок вдоль главной улицы и фонтан в центре. Мое внимание привлек зеленый навес. Вывеска на двери гласила: «БУЛОЧНАЯ ГАРОЛЬДА». У меня заурчало в желудке.

– Если не возражаете, – сказала я, – я бы остановилась здесь перекусить.

– Конечно, конечно, – ответил шофер.

Я заплатила за проезд и, прежде чем войти в булочную, осмотрела необычную выпечку на витрине.

– Добрый день, – поздоровалась пожилая женщина из-за прилавка.

– Добрый, – ответила я.

– Откуда-то приехали?

– Да. Из Нью-Йорка.

– Подумать только! – воскликнула булочница и повернулась к подсобке: – Гарольд! Иди сюда!

Оттуда появился приземистый мужчина с округлым брюшком и тепло мне улыбнулся.

– Она из Нью-Йорка! – сказала женщина. – Была бы тут Элси! Как она мечтала съездить в Нью-Йорк! – Хозяйка указала на фото, висящее на стене, как раз над бочкой со льдом. – Это наша дочка. Пропала четыре года назад. Полиция считает, что она убежала в Лондон с каким-то парнем, – женщина печально покачала головой, – но наша Элси была не такая. Она бы так не сделала.

– Я вам очень сочувствую, это такое горе, – проговорила я.

На лицо женщины вернулась улыбка, и она нежно посмотрела на мужа.

– Вот, снова я о ней, Гарольд. Я же обещала больше так не делать. Что толку ворошить прошлое! Элси бы это не понравилось. – Она снова обернулась к фотографии на стене.

Вокруг лица молодой женщины, как нимб, вились светлые волосы, она напоминала херувима.

– Так что вас привело в Клайвбрук, *мисс*?

Я нервно улыбнулась:

– Так… Пожить.

– Что ж, – она протянула мне абрикосовую лепешку, – надеюсь, вам здесь понравится.

Я поблагодарила ее. На улице поднялся ветер, и я поскорее застегнула верхнюю пуговицу своего пальто, вспомнив родителей. Мне очень их не хватало. Что, если со мной что-то случится, и они будут вот так же хранить мое фото на стене булочной?

Я направилась по тротуару к железнодорожной станции, где шофер в черном костюме и твидовой кепке, прислонившись к своему такси, крутил на цепочке карманные часы.

– Куда? – спросил он, когда я подошла.

Я взглянула на клочок бумаги, что дал мне мистер Прайс, и заколебалась, хотя понятно было, что уже поздно сожалеть о случившемся.

– Ливингстон-Мэнор, – наконец выговорила я.

Приподняв брови, шофер с любопытством посмотрел на меня.

– В тот большой дом, верно?

– Да.

– Американка? – заинтересовался он.

– Американка.

– И что же влечет такую хорошенькую девушку в Ливингстон-Мэнор?

– Работа, – сухо ответила я. Мне не понравился его высокомерный тон.

– Что ж, надеюсь, там хорошо платят, – фыркнул таксист. – Я бы запросил немалые деньги, если бы согласился там работать, особенно после… Ну, после всего этого.

– Что вы имеете в виду?

– Хозяйка дома умерла в прошлом году, – сказал он, понизив голос до шепота и наклоняясь ко мне. – Там что-то нечисто. – Он покачал головой. – Мой брат берется за всякую работу, у него золотые руки. Так вот, в феврале он чинил в поместье окно на третьем этаже и говорит, что слышал, как под крышей дома плачет какая-то женщина. Словно…

По моей спине пробежал холодок.

– Не надо, – прервала я шофера. – Я не верю в привидения.

– Увидите это место – поверите. Впрочем, как знаете, дело ваше. – Он взял мой багаж и снова с любопытством посмотрел на меня. – Так на какую работу поступаете в поместье?

– Я новая няня.

Шофер усмехнулся.

– Что тут смешного?

– Я просто удивился, вот и все.

– Чему? – спросила я, скрестив на груди руки.

– Ничему, – ответил он с ухмылкой.

Машина осторожно подъехала к поместью, мотор чихнул и заглох, словно ему не хотелось приближаться к дому. От увиденного у меня захватило дыхание. Заросший плющом фасад с витиеватыми карнизами и изящными лепными украшениями напоминал рисунок на странице, вырванной из исторического романа. Здание было трехэтажным, на крыше виднелось пять труб, оно было грандиознее, чем я представляла, и когда я шагнула ко входу, мое сердце заколотилось в недобром предчувствии.

– Мне подождать здесь? – спросил шофер.

Я покачала головой:

– Подождать? Зачем?

Он посмотрел на меня, как на дурочку.

– Вдруг вы передумаете.

– Нет, – ответила я. – Не передумаю.

Он достал из багажника мой чемодан и со стуком поставил его в нескольких шагах перед машиной, то и дело робко поглядывая на поместье.

– Что ж, дальше я не поеду. Удачи вам, мисс.

Я кивнула и дала ему несколько купюр – последние мои деньги.

– Спасибо, но я сама творю свою удачу. – Так бы сказала мама.

Когда машина уехала, я взяла чемодан и быстро обернулась, услышав за спиной хруст гравия. Ко мне приближался пожилой человек лет шестидесяти с царственным лицом. Высокий, со слегка выпирающим брюшком, в черном костюме, он с любопытством посмотрел на меня:

– Добрый день, мисс. Вы?..

– Флора, – ответила я. – Флора Льюис. – Вам говорил обо мне мистер Прайс? – Меня прислало агентство, – быстро сказала я, словно оправдываясь, что я тут по делу, а не просто шатаюсь в чужих владениях. Смущаясь от его пристального взгляда, я разгладила складки на платье.

– Ах да, – сказал он, сверкнув обезоруживающей улыбкой. – Конечно. Новая няня. – Мужчина протянул руку. – А я мистер Бердсли, дворецкий. Как поживаете?

– Спасибо, хорошо, – ответила я, немного нервничая.

– Хочу извиниться за состояние сада, – проговорил мистер Бердсли.

– Простите? Я не совсем вас поняла.

– Видите ли, – ответил он, бросив взгляд на мой чемодан (я надеялась, он не заметит мамину заплатку на боку), – в настоящий момент у нас не хватает прислуги, и боюсь, дела в этой области в ближайшее время не улучшатся.

– Вот как?

Он прокашлялся и продолжил:

– Наш садовник попал в определенную *ситуацию*. И поэтому сады выглядят так, как они выглядят. Я очень разочарован, что они пришли в запустение.

Я кивнула:

– Да нет, что вы, все выглядит не так уж и плохо.

Азалии да, разрослись, и, может быть, самшиты можно бы подстричь, но буйная зелень радовала глаз. Дорожку окаймляла стена кроваво-красных рододендронов. Под дневным солнцем я ощущала их легкий древесный аромат.

– Спасибо вам за добрые слова, мисс Льюис, – сказал мистер Бердсли. – Но это не соответствует стандартам ее светлости. – Он говорил приглушенно, словно у лавровой изгороди могли быть уши. – Она ухаживала за каждым лепестком. А они заботились о ней. – Он вздохнул. – С тех пор как она умерла в прошлом году, сад стал совсем другим. – Дворецкий указал на дорожку впереди. – Ну, позвольте мне ввести вас внутрь. – Он остановился, чтобы взять мой багаж. – Должен вам сказать, я не ожидал, что приедет *американка*.

– О, – удивилась я. – Разве мистер… м-м-м… Разве в агентстве вам не сказали об этом?

– Боюсь, они опустили подробности.

– Надеюсь, это не вызовет трудностей, сэр.

– Нет-нет, – ответил он, и уголки его глаз смягчились, осветившись добрым светом. – Позвольте мне показать вам ваше жилище, чтобы вы освежились перед встречей с его светлостью и детьми.

Вместе с дворецким я прошла мимо участка, где квадратом были посажены самшиты. Они выглядели несколько неухоженными, их бы не помешало подровнять. Мистер Бердсли остановился и опустился на колени, чтобы поднять с дорожки большой розовый цветок, полюбовался им и сунул в карман.

Мне хотелось остановиться, задержаться в саду, впитать окружающую красоту, но я вслед за мистером Бердсли прошла в боковую дверь и спустилась по ступеням.

– Конечно, учитывая особенность ваших обязанностей, вы не будете проводить много времени здесь, в доме, разве что спать, но знайте, что в зале для прислуги вам всегда рады.

Я кивнула. Тут к нам подошла девушка, которой, наверное, не было и восемнадцати. Вьющиеся рыжие волосы непослушно выбивались из-под шапочки и падали на ее круглые розовые щечки.

– Простите, мистер Бердсли, – проговорила она, нервно теребя свой белый фартук, – можно мне с вами поговорить?

– В чем дело, Сэди?

– Дело в том, сэр, что… ну…

– Что?

– Это мистер Николас. Она снова высыпал муку из мешка.

– Как, опять? – нахмурился мистер Бердсли.

– Да, сэр. И рассыпал ее в библиотеке. Книжные полки теперь словно запорошены снегом. – Она хихикнула, но тут же прикрыла рот рукой, прежде чем продолжить: – Миссис Диллоуэй говорит, что том Шекспира пострадал особенно сильно. Боюсь, она страшно рассердилась. Говорит, что не знает, что делать с этим мальчишкой, что следующий раз он спалит дом дотла и…

– Значит, нам повезло, что у нас новая няня, она прибыла сегодня, – ответил мистер Бердсли. – Сэди, позволь мне представить тебе мисс Льюис.

– Рада познакомиться, мисс, – с теплой улыбкой проговорила девушка.

– И я тоже, – ответила я. – Пожалуйста, зови меня Флорой.

Сэди кивнула.

– Я должна идти, – сказала она и взяла корзину с бельем, что стояла у ее ног.

– Сэди, – спросила я, не обращая внимания на мистера Бердсли, который уже двинулся дальше. – А что, дети действительно… так плохо себя ведут?

Она кивнула и шепотом сообщила:

– С января мы сменили трех нянь, – и, увидев мою реакцию, снова улыбнулась. – Надеюсь, вы останетесь. Вы мне нравитесь.

– Спасибо, – я натянуто улыбнулась.

Потом я догнала мистера Бердсли, и мы прошли по коридору на кухню. Там у плиты сидела хмурая женщина и сосредоточенно чистила картошку.

– Это миссис Марден, кухарка, – представил ее он. – Миссис Марден, это мисс Льюис, новая няня для детей.

– Еще одна? – пробормотала та, не поднимая глаз.

– Да, мисс Льюис прислало агентство, и мы очень рады, что она будет у нас работать.

– Ну-ну, – проворчала миссис Марден, бросая очищенную картофелину в кипящий котел, и наши глаза впервые встретились. В воздух взлетели брызги кипятка, и я отшатнулась, чтобы не обжечься. – Особенно не обольщайся. Это место тебя достанет – это лишь дело времени. – Кухарка оглядела меня с ног до головы. – Не обижайся, но я удивлюсь, если ты дотянешь хотя бы до конца ужина.

Мистер Бердсли покашлял.

– Работа, конечно, нелегкая, но миссис Марден, я уверен, согласится, что в ней есть и свои плюсы. Нигде в округе вы не найдете дома лучше. А блюда, приготовленные миссис Марден, – дополнительная награда.

Женщина самодовольно улыбнулась и принялась резать овощи. Взяв в руки худосочную морковку, скрюченную на конце, она проговорила:

– Эта морковь горькая. Не знаю, как я управлюсь с подобными продуктами. С тех пор как ушел мистер Блит, огород пришел в упадок. А ругают все кухарку. Это нечестно, говорю вам. Хорошая кухня требует хорошего огорода. Так дело не пойдет.

– Спасибо, что высказали свои опасения, миссис Марден, – произнес мистер Бердсли. – Мы продолжим этот разговор в другое время.

Что-то проворчав себе под нос, кухарка вернулась к своему занятию.

Я прошла вслед за мистером Бердсли через еще один коридор, и он указал на дверь справа:

– Это будет ваша комната. Надеюсь, она вас устроит.

Внутри стояла кровать, туалетный столик, комод и платяной шкаф. Я выглянула в окно и увидела импозантного вида мужчину; он в одиночестве стоял на террасе и смотрел на сад.

– Этот человек, – спросила я мистера Бердсли, – он кто?

– О, – ответил дворецкий, нервно затягивая галстук, – его светлость, видимо, раньше времени вернулся из Лондона. Значит, мне пора. Пожалуйста, умойтесь и через час будьте готовы к встрече с детьми. Миссис Диллоуэй, домоправительница, будет в гостиной в два часа.

Я кивнула, а он повернулся к двери.

– Погодите, – сказала я, не отрывая глаз от пышного пейзажа за окном. – Эти деревья вдали. С цветами. Это… – мое сердце заколотилось. – Камелии? – Мне вспомнились слова мистера Прайса: «Отыщите миддлберийскую розовую, и можете возвращаться домой».

Мистер Бердсли вздохнул и огорченно ответил:

– Да. Леди Анна особенно их любила.

– Они прекрасны, – проговорила я, снова поворачиваясь к окну. – И их так много. – Смогу ли я определить миддлберийскую розовую?

– Действительно, – согласился мистер Бердсли, снова улыбнувшись. – А теперь мне пора. Увидимся в два.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулась к окну и уставилась на камелии, на ряды этих изящных деревьев с яркими цветами, отливающими розовым, белым и алым. Через оконную раму проникал холодный ветер, наполняя воздух зловещим свистящим звуком. Я поежилась, думая о камелиях и их тайнах.

Глава 7. Эддисон

У подножия лестницы нас остановила миссис Клейн, кухарка. С ярким розовым румянцем на щеках она обратилась к миссис Диллоуэй:

– Извините, что отвлекаю вас. Миссис Диллоуэй, вас к телефону.

– Дом недостаточно модернизирован, – извинилась миссис Диллоуэй. – На второй этаж телефонную линию так и не провели. Мне придется зайти на кухню.

– Ничего страшного, – сказала я, спускаясь вместе с ней по лестнице в гостиную, где уселась на синий бархатный диван с резными ножками красного дерева. Этот диван напоминал мне старую ванну с когтистыми лапами, какая была в моей первой квартире; я снимала ее после окончания колледжа, до того, как встретилась с Рексом на благотворительном мероприятии, собиравшем средства для Нью-Йоркского ботанического сада. Тогда жизнь не была такой сложной. Вздохнув при этом воспоминании, я взглянула на книгу у себя в руках. «Годы». Облокотившись на валик дивана, я раскрыла книгу. Было такое ощущение, что книгу не открывали десятилетиями: она заскрипела, словно говоря «а-х-х-х!», и в ноздри ударил затхлый запах с примесью чего-то приятного, цветочного. Я перелистнула хрупкий, с водяными пятнами титульный лист и в начале первой главы, озаглавленной просто «1880», прочитала несколько раз первую строчку:

«Весна была неровная»

Эта фраза показалась мне знакомой, словно я уже читала ее раньше тысячу раз. Но я точно знала, что эту книгу я никогда не читала. Я вспомнила о Нью-Йорке, об угрозах, и только тогда заметила надпись на форзаце. Синие чернила частично стерлись, но я все-таки сумела разобрать слова. Эти две строчки озадачили меня: *«Флора, на самом деле мы всегда знаем, как поступить правильно. Трудность же заключается в том, чтобы именно так и поступить. Удачи! Джорджия».*

Кто была эта Флора? А Джорджия? И что означали эти слова?

Я стала торопливо листать страницы, словно ответ скрывался внутри книги, и тут мне на колени что-то выпало. Я взяла маленький квадратик и перевернула его, чтобы лучше рассмотреть это сокровище – черно-белую фотографию разноцветной камелии с единственным цветком, таким потрясающим, что я вскрикнула. Прежде чем вложить фотографию обратно в книгу, я заметила, что к ней приклеена еще одна. Я осторожно разделила два изображения и обнаружила портрет красивого молодого человека в военной форме. Он стоял у подножия лестницы и улыбался, словно был влюблен в фотографа, по уши влюблен. Я узнала фон на заднем плане. Это было фойе в Ливингстон-Мэноре.

За спиной раздались шаги, и я поскорее засунула фотографию обратно в книгу.

– Ой, слава богу, это ты, – сказала я, обрадовавшись, что в дверях стоит мой муж.

Он чмокнул меня в лоб.

– Я пропустил что-то интересное?

– Да, – ответила я. – Посмотри, что я нашла.

Он взял у меня книгу и пожал плечами.

– Загляни внутрь, – сказала я. – На надпись.

– Флора?

– Да. Интересно, кто это.

– Может быть, жена лорда Ливингстона, – предположил Рекс.

– Может быть, – согласилась я. – Или его дочь. – Я снова вытащила фотографию цветка камелии и внимательно ее рассмотрела. – А почему, как ты думаешь, это фото находится здесь?

– Возможно, закладка?

Я покачала головой, вспомнив фотографию розы, которая висела над моим письменным столом дома.

– Нет, я думаю, цветок имел для нее какое-то особое значение.

– Может быть, – согласился Рекс, усаживаясь на диван.

Свет из окна сверкал на загорелой коже Рекса и отражался в его глазах орехового цвета. Рекс был красавец. Иногда мне казалось, что он слишком красив, это даже вызывало тревогу.

– Ты купил себе бритву?

Он на мгновение смешался, потом кивнул.

– Ах да. – Он потер щетину на подбородке. – Да, купил.

– А что так долго? – спросила я, вставая. – Миссис Диллоуэй сказала, что у тебя были какие-то дела в городе.

– Да, всякие документы для отца. Их нельзя зарегистрировать из Китая, и поэтому мне пришлось заверить их получение у нотариуса. – Он указал на подъездную дорожку. – Курьер их доставил сюда как раз перед моим отъездом.

– Понятно, – сказала я, вспомнив женщину в синем кабриолете.

Внезапно в дверях появилась миссис Диллоуэй.

– Извините за вторжение, – проговорила она, и ее голос звучал так чопорно, как не говорили уже, наверное, несколько десятилетий, а то и целый век. – Если изволите, я готова начать экскурсию по поместью.

Мы поднялись вслед за ней по лестнице, и меня поразили огромные хрустальные люстры под потолком. Цепи, на которых они висели, казались слишком хрупкими для такого веса. Под скрип ступеней мы поднялись на второй этаж. Там над лестничной площадкой висел портрет прекрасной женщины. Ее светлые волосы ореолом обрамляли лицо, а под ложбинкой на шее покоился медальон с выгравированным цветком. В другое время я бы могла не обратить внимания на эту деталь, но сейчас подошла поближе, чтобы рассмотреть его, и у меня возникло ощущение, что женщина смотрит прямо на меня. Точно, она смотрела на меня! Я поняла этот взгляд. Одинокий. Встревоженный. Затравленный. Я отвела глаза, но их тянуло обратно к холсту. В правой руке женщина сжимала цветок. Розовую камелию. Я узнала знакомую структуру лепестков и форму листка и покосилась в тусклом свете на ее руку. Не кровь ли у нее под ногтями? Я потерла свои ногти. Вероятно, просто игра теней.

– Ты идешь, Эддисон? – позвал из коридора Рекс.

– Иду, – откликнулась я, приходя в себя и с трудом отрывая от картины взгляд. – Подождите, миссис Диллоуэй, – а кто эта женщина на портрете?

Она неохотно подошла ко мне и, помолчав, наконец ответила:

– Это леди Анна. Она была женой лорда Ливингстона. – Миссис Диллоуэй сильно зажмурилась, а потом снова открыла глаза. – Когда она впервые приехала в поместье, ей было всего восемнадцать. Совсем девочка. – Домоправительница рассматривала портрет так, словно ей долгое время не было позволено смотреть на него. – Все изменилось с тех пор, как… – Миссис Диллоуэй быстро отвернулась. – Пойдемте дальше.

Леди Анна. Я ощущала какие-то флюиды с первого момента, как ступила в поместье сегодня утром. В каждом дверном скрипе, в каждом дуновении ветра, проникавшем через окна из сада, крылось чье-то присутствие. Я представила, как эта женщина стоит в конце длинного коридора и смотрит на нас, таких странных современных людей, шатающихся по ее дому, трогающих ее вещи, взирающих на ее портрет. Что она подумала о нас, эта леди с медальоном на шее и камелией в руке? И почему она такая грустная?

– Это крыло занимали дети лорда Ливингстона, – сказала домоправительница, указывая в темный коридор.

– Дети? – переспросила я. – Сколько их было?

– Пятеро, – ответила она, но потом покачала головой. – То есть четверо.

Я бросила на Рекса озадаченный взгляд.

Миссис Диллоуэй остановилась у двустворчатых дверей в конце зала. Когда она открыла их, заскрипели петли, и домоправительница обернулась к Рексу.

– Этот ужасный декоратор вашей матери еще не добрался до этих комнат. – Ее лицо на мгновение потеплело. – Здесь все так, как было при детях. – Казалось, миссис Диллоуэй это нравится. – Они провели здесь много счастливых часов.

Я подошла к книжному шкафу и увидела сборники сказок. В детстве я мечтала иметь свои книги. В сказках можно было затеряться, в иных мирах – найти пристанище и покой, ведь мой мир был так суров! Вот почему каждый день после школы я ходила в библиотеку, к тому же дома меня никто не ждал.

Я со вздохом провела рукой по корешкам книг, но, ощутив тревогу миссис Диллоуэй, отошла назад. У меня было ощущение, что мы ходим по музею, который создала она.

– Пойдем дальше? – спросила я, направившись к двери.

– Посмотри-ка! – воскликнул Рекс, подзывая меня к ящику с игрушками у дальней стены. Он вытащил жестяной самолетик. Красная краска на нем давно облупилась. – Это одна из старых заводных моделей. Один мой друг их коллекционирует. Теперь это большая редкость. Наверное, стоит целое состояние.

Миссис Диллоуэй смотрела на самолетик, словно стараясь его защитить, пока Рекс не положил его обратно в ящик.

– Это была игрушка лорда Эббота, одного их сыновей лорда Ливингстона. – Она повернулась и направилась к двери, что означало команду следовать за ней.

– Я что-то не то сказал? – шепнул мне Рекс.

Я пожала плечами, и мы быстро двинулись по коридору вслед за домоправительницей.

– Там, дальше, гостевые комнаты, – сказала она. – В них останавливались гости Ливингстонов. А теперь, – продолжила миссис Диллоуэй, – я должна проверить шторы на третьем этаже. Этот дьявол-декоратор повесил их на прошлой неделе, и они такие тоненькие, что, боюсь, свет повредит картины лорда Ливингстона.

Я повернулась, чтобы подняться вслед за ней по лестнице, и положила руку на перила, но миссис Диллоуэй положила сверху свою ледяную ладонь.

– Там нет ничего интересного, – проговорила она.

– О! – удивленно воскликнула я.

– Увидимся с вами вечером, – не обращая внимания на мое восклицание, сказала домоправительница.

Когда она ушла, Рекс повернулся ко мне:

– Как странно.

Я кивнула.

– Эдди, – прошептал он, – она говорит о лорде Ливингстоне, как будто он по-*прежнему жив.*

Глава 8. Флора

В час миссис Диллоуэй встретила меня в гостиной.

– Здравствуйте, мисс Льюис, – поздоровалась она из дверей.

Неужели это в самом деле домоправительница? Она выглядела как моя ровесница. Ее светло-русые волосы были убраны назад в аккуратный узел, так что не выбивался ни один волосок. Лицо ее с высокими скулами и чувственным ртом казалось царственным. В ней чувствовалась чопорность, но одновременно и теплота. Я задумалась, сможем ли мы быть друзьями.

– Здравствуйте, – ответила я.

Она с любопытством посмотрела на меня и улыбнулась:

– Вы ожидали увидеть кого-то другого?

– Нет, нет, – забормотала я. – Это просто так, так…

– Я знаю, о чем вы подумали, – сказала она с мимолетной улыбкой. – Я слишком молода для домоправительницы такого большого хозяйства. Но могу вас уверить: я вполне подхожу для этого места. Ее светлость, да упокоит Господь ее душу, не желала никого другого, чтобы вести хозяйство.

– Разумеется, – ответила я. – Ничуть в этом не сомневаюсь.

Лицо миссис Диллоуэй смягчилось – искренняя попытка замять неловкое начало.

– Что ж, – сказала она, – я рада, что вы наконец прибыли. А то еще один день присмотра за детьми мог бы вогнать меня в гроб. – Она снова улыбнулась и повернулась к лестнице. – Хорошо, что теперь вы займетесь этой работой.

Лампа над нашей головой задребезжала, и тут же загремели шаги по лестнице. Я вцепилась в край стола, чтобы совладать с собой.

– Напоминает топот носорогов, – нервно заметила я.

– Носороги так не топают, – пробормотала миссис Диллоуэй и крикнула несущимся по лестнице сорванцам: – Дети! Вам известно, что ваш отец не позволяет бегать по дому! Мистер Эббот, немедленно слезьте с перил.

Из-за угла показался светловолосый мальчик.

– Мистер Эббот, – продолжала миссис Диллоуэй, – пожалуйста, подойдите и познакомьтесь с вашей новой няней, мисс Льюис.

– Нам не нужна новая нянька! – завопил из-за спины брата другой мальчик, этот черноволосый сорванец был помоложе.

– Мистер Николас, так не положено говорить о мисс Льюис, которая проделала столь долгий путь, чтобы вас увидеть. Пожалуйста, будьте вежливы и поздоровайтесь с ней.

Николас высунул язык и плюхнулся в кресло у окна.

– Не хочу с ней здороваться. И вы меня не заставите!

Миссис Диллоуэй бросила на меня сочувственный взгляд.

– Мисс Кэтрин и мисс Джейн?

Появилась темноволосая серьезная на вид девочка, она держала в руке грязную растрепанную куклу. За ее спиной пряталась светленькая малышка.

– А вы поздороваетесь с мисс Льюис?

Я опустилась на колени перед девочками и смущенно улыбнулась.

– Здравствуй, – сказала я старшей. – Скажи, сколько тебе лет?

– Десять, – ответила она. – А Джени два. – Она недовольно вздохнула. – А ты нам вовсе не мама.

– Я вас оставлю, – сказала миссис Диллоуэй и, улыбаясь, направилась к двери.

Эббот плотно скрестил руки на груди.

– Я приехала, чтобы заботиться о вас, и надеюсь, мы подружимся, – нервно проговорила я и направилась к дивану. Мне было неприятно притворяться перед этими детьми, особенно после того, что они пережили. Я ведь знала, что вряд ли пробуду здесь долго. Но мне требовалась их помощь, чтобы отыскать в саду ту камелию. – Думаете, мы сможем подружиться?

– Я не дружу с девчонками, – пискнул Николас.

– И я тоже, – присоединился Эббот.

Я сложила руки на коленях и вздохнула. Старые часы на стене повторяли свое «тик-так».

– Ладно, – сказала я. – Понятно.

– А я буду с тобой дружить, – проговорила ласковым голоском Джени, растопив ледяное молчание.

Она подошла, забралась ко мне на колени и начала гладить меня пухлой ручкой по щеке. Я не удержалась от улыбки.

– Спасибо, – сказала я малышке.

Кэтрин раздраженно пожала плечами и хмыкнула:

– Джени не понимает, что несет. Она еще маленькая.

– Нет, – запротестовала крошка, – я большая.

– Кэтрин права, – проговорил Николас. – Джени даже не помнит маму.

Джени посмотрела на меня, а потом перевела унылый взгляд на себя.

– Ничего, милая, – шепнула я ей и обратилась к старшим детям: – Как вы уже знаете, я приехала из Америки. У нас там более свободные нравы, поэтому я спрошу вас: должна я называть вас «леди» и «лорд»? Дело не в неуважении, но это звучит как-то нелепо и слишком официально. А вы ведь дети.

– Ну, я, например, терпеть не могу этого титула, – сказал Эббот, наконец убрав руки с груди.

– И я тоже, – проговорил Николас вроде бы с облегчением, но потом на мгновение задумался. – Можете называть меня Николасом Великим? Я читал в книжке про одного смешного человека, которого так звали.

– Что ж, значит, Николас Великий, – улыбнулась я.

– А меня называйте леди Кэтрин, – с раздраженным видом промолвила Кэтрин. – А няня нам не нужна. Мы сами о себе позаботимся.

Эббот усмехнулся:

– Это мистер Бердсли устроил ваш приезд, верно?

– Да, – ответила я. – Полагаю, он.

– Мистер Бердсли – противный старый болван! – заявил Николас, скрестив на груди руки.

– А теперь, Николас, – сказала я, изо всех сил сдерживая смех, – то есть Николас Великий, – его улыбка выявила отсутствие переднего зуба, – я не думаю, что это очень красиво – звать мистера Бердсли… – Я зажала рот рукой, но не смогла удержать вырывающийся смех, – болваном.

Николас улыбнулся:

– Вы и сами считаете его болваном, ведь так?

Все затихли в ожидании моего ответа. Я взглянула через плечо посмотреть, нет ли поблизости миссис Диллоуэй; ее, к счастью, не было. Тогда я, улыбаясь, снова посмотрела на детей.

– Думаю, можно сказать, что он обладает некоторыми чертами болвана.

Дети рассмеялись – кроме Кэтрин, которая нахмурилась, сосредоточенно рассматривая ленты в своих волосах.

Джени, сидевшая у меня на коленях, посмотрела на меня и хихикнула:

– Болван!

Я улыбнулась. Да, придется нелегко, но пока все идет нормально.

Позже в зале для прислуги миссис Диллоуэй проинструктировала меня:

– Дети пьют чай в три. Сразу после этого Николас и Эббот берут уроки верховой езды, а Кэтрин и Джени – уроки фортепиано.

Я кивнула, а она направилась в коридор.

– Позвольте спросить: почему Кэтрин не позволяют ездить верхом с братьями? – спросила я сидевшую рядом со мной Сэди.

Та вздохнула.

– Лорд Ливингстон против. С тех пор, как умерла леди Анна.

Я понизила голос:

– Она погибла, катаясь верхом?

– Нет, нет, – ответила Сэди. – Что вы, если бы катаясь верхом! – Она сжала бусы у себя на шее и вздохнула. – С тех пор как она умерла, лорд Ливингстон стал совершенно другим человеком.

– Как это?

Сэди осмотрелась по сторонам, словно опасаясь, что среди чашек, выстроившихся на полке, могли прятаться шпионы.

– Он совсем переменился. Замкнулся в себе. Ну, пожалуй, он всегда был замкнутым, но теперь совсем другое дело – стало гораздо хуже. Я бы сказала, в день, когда умерла леди Анна, дети потеряли обоих родителей. Он не обращает на них никакого внимания. Жаль.

Я придвинулась поближе к Сэди.

– А как она умерла?

Девушка пожала плечами.

– На самом деле никто не знает. Ее тело нашли там. – Она махнула рукой, помолчала, а потом понизила голос до шепота: – В саду.

Я прикрыла рот рукой.

– Ужасно. Наверное, лорд Ливингстон очень ее любил.

Сэди как будто боролась с собой. Она откусила булочку и, не успев прожевать, сказала:

– Наверное, можно и так сказать, но леди Анна не была здесь счастлива. Никогда. Ей никогда не нравились болота, уединение. Она скучала по Америке. Конечно, лорд Ливингстон пытался сделать ее счастливой. – Девушка указала на окно. – Он привозил всевозможные растения, деревья и кусты, какие только можно себе представить. И редкие. Надо было видеть, как тут дефилировали садовники с цветами из дебрей амазонских лесов. – Она вздохнула. – И этот сад… Лорд Ливингстон помог ей отыскать все камелии. Боже, как она любила камелии! Когда дело касалось сада леди Анны, никакие траты не принимались в расчет. Но знаете, он все равно не мог сравниться с ее садом в Америке. – Сэди кивнула своим мыслям. – Никогда не забуду ее лица в дни, когда она получала оттуда письма. Можно было подумать, что у нее вот-вот разорвется сердце.

– И она никогда не ездила домой?

Девушка покачала головой:

– Леди Анна была из богатой семьи. Насколько я знаю, его светлости нужно было состояние, чтобы сберечь это поместье. А ее отец хотел, чтобы она жила как можно дальше от Чарлстона.

– Почему?

– Поговаривали, что она влюбилась в парня, который был беден. Они не могли быть вместе. Поэтому ее послали в Англию. Но лорд Ливингстон не понимал, что нельзя держать жену, живую женщину, под замком. Даже в компании редчайших цветов. Она тосковала по жизни в Чарлстоне, но лорд Ливингстон и слышать об этом не хотел. А когда родились дети, ее приговор был подписан. Она уже не могла уехать. И, думаю, это ее и сломило.

– Неудивительно, что дети так горюют, – сказала я, качая головой. – Сколько им, наверное, пришлось пережить!

Сэди кивнула.

– Ты говоришь, ее нашли в саду?

– Да. В то утро между ней и его светлостью произошла ссора. Тяжелая ссора. Я знаю, потому что скребла полы рядом с гостиной. Леди Анна выбежала, и я видела, что она плачет. Она попила чай на террасе с этим ужасным садовником мистером Блитом, а потом отправилась на прогулку в сад. Там ее вечером и нашли.

– Что же случилось? – с волнением спросила я.

– Никто не знает, – приглушенным голосом произнесла Сэди. – Но мне никогда не нравилась вся эта история. Его светлость немедленно уволил мистера Блита. – Она вздохнула. – Одному Господу известно, что произошло в этом саду. Бедная леди Анна, она…

– И на этом все, Сэди, – из дверей послышался голос миссис Диллоуэй.

Как долго она там стояла? Ни я, ни Сэди ее не заметили.

– Да, мэм, – быстро ответила девушка, покраснев. – Я только рассказывала мисс Льюис о…

– Да, я знаю, что вы обсуждали с мисс Льюис – то, о чем ты не должна говорить. А теперь тебе пора начинать уборку. Пора собирать белье для стирки. Пожалуйста, займись этим.

– Да, мэм, – сказала Сэди, вскакивая.

Миссис Диллоуэй неодобрительно посмотрела на меня и повернулась на каблуках.

Позднее в зале для прислуги (на самом деле это был совсем не зал, но так называли людскую; там вдоль одной стены стоял длинный стол со скамьей, а вдоль другой – ряд стульев) Сэди спросила:

– А как там, в Америке?

– О, я бы сказала, прекрасно, – ответила я.

– Я всегда недолюбливала американцев, – сказала миссис Марден, бросив на меня взгляд. – Но мне нравится их акцент. У леди Анны было такое же произношение. – Кухарка нахмурилась, словно вспомнив что-то неприятное. – Насколько я поняла, в Америке не едят рагу?

– Простите, я не совсем вас понимаю, – встревожилась я.

– Сегодня ты почти не прикоснулась к обеду, – усмехнулась она.

– Извините, у меня как-то нет аппетита с тех пор, как я покинула дом.

Кухарка была крупная: рослая и полная. У нее была короткая стрижка, а когда она улыбалась, что случалось не часто, был виден ее кривой передний зуб.

– Если тебе не нравится моя стряпня, можешь так и сказать. Нечего ходить вокруг да около.

– Я вовсе не это хотела сказать, мэм, – вспыхнула я и, чтобы оправдаться, указала на хлебную доску на столе. – У вас прекрасная выпечка.

Миссис Марден удивленно изогнула брови.

– А тебе-то откуда знать?

– Я разбираюсь в выпечке. Я выросла в булочной.

– Боже, боже, – проговорила она, словно мое замечание подлило масла в огонь. – В Ливингстон-Мэноре поселилась дочка пекаря.

Миссис Диллоуэй прокашлялась.

– Миссис Марден, возможно, она сумеет дать вам несколько дельных советов по поводу ваших лепешек.

Усмехнувшись, кухарка вернулась к своей миске.

В дверях зала для прислуги появился большой мужчина с темными волосами и выпирающим кадыком. Он был так высок, что ему пришлось наклониться, чтобы войти. Он остановился у раковины у окна, чтобы помыть руки, прежде чем сесть за стол. Ища мыло, он встретился со мной глазами, но, не улыбнувшись, отвернулся. С его рук потекла грязноватая вода.

– Мисс Льюис, это мистер Хэмфри, шофер лорда Ливингстона, – представила его миссис Диллоуэй, когда он сел и начал есть, помогая себе куском хлеба. – Мистер Хэмфри, мисс Льюис – наша новая няня.

Он кивнул и спросил:

– И что вы думаете о них?

– Простите? – не поняла я.

– О детях, – пояснил он, твердой рукой намазывая маслом толстый ломоть хлеба. Под ногтями у него оставалась грязь, которую не удалось выскрести.

– Ах да. Я надеюсь, они привыкнут ко мне после всего, что им пришлось пережить.

Жуя, он пробурчал что-то невнятное.

– Следите за старшим, – сказал шофер, когда приступил к чаю. – Говорю вам: это просто черт с вилами.

– Не знаю, пока я бы так не сказала.

– Говорите, что хотите, – хмыкнул он, – но этот мальчишка – воплощение дьявола.

– Мисс Льюис, – вмешалась миссис Диллоуэй, – мистер Хэмфри просто сердится, полагая, что это Эббот проколол ему шину на прошлой неделе.

– Что заставляет вас думать, что это сделал он?

Мистер Хэмфри откинулся на спинку стула.

– Я узнаю виновного по лицу. К тому же вы, наверное, видели его ухмылку, когда мне пришлось поставить на шину заплатку.

– Возможно, вы неправильно его поняли, – сказала я. – И его братьев, и сестер тоже. В конце концов, они ведь недавно потеряли мать.

В помещении воцарилась тишина, и я ощутила, как мои щеки покраснели.

– Мисс Льюис, – начала миссис Диллоуэй, – если у вас нет аппетита, почему бы мне не показать вам дом?

Я кивнула:

– Это было бы здорово. Спасибо.

Мы поднялись по лестнице и миновали дверь в фойе. Миссис Диллоуэй сразу подошла к золоченому канделябру на дальней стене и потерла его рукавом.

– Ох уж эта Сэди! – буркнула она. – Вечно забывает про эти штуки. – Домоправительница сделала шаг назад, рассматривая канделябр, и нахмурилась. – Лорд Ливингстон не любит, когда на предметах заметны отпечатки пальцев.

Я оглядела фойе, занимавшее по высоте все три этажа. Стены были обшиты резными деревянными панелями и украшены картинами, изображавшими конные прогулки, охоту на лис и другие сцены из жизни помещиков прошлых веков. Мне вдруг вспомнился Десмонд, и я подумала, что он, наверное, вырос в подобном доме.

– Неплохо, а? – с гордостью проговорила миссис Диллоуэй.

– О да, – ответила я.

– Помню мой первый день здесь. Тогда я подумала, что в жизни не видела ничего прекраснее.

– Понимаю, – в восхищении согласилась я. – Это так не похоже на места, откуда я приехала.

– Вы полюбите это место, как полюбила его я, – доверительно произнесла домоправительница.

Я посмотрела на портрет сурового мужчины с собакой у ног и подумала о папе с его простой улыбкой и розовыми щеками.

– А мистер Ливингстон, хм, то есть лорд Ливингстон, какой он?

Миссис Диллоуэй с нежностью посмотрела на портрет.

– Он сложный человек. Он…

Передняя дверь распахнулась, и в фойе ворвался большой желтый лабрадор. Его светлую шерсть покрывал толстый слой грязи. Пес завилял хвостом и положил к моим ногам резиновый мячик. Через мгновение робко появились Эббот и Николас в заляпанных грязью штанах.

– Мистер Эббот! Мистер Николас! – возмущенно воскликнула миссис Диллоуэй. – Где вы были?

– Мы просто вывели Ферриса на прогулку в розовый сад, мэм, – ответил старший из братьев.

– Мальчики, ваш отец запретил это, – продолжала домоправительница. – Почему вы не слушаетесь?

– Это все Феррис, – сказал Николас. – Он убежал. И нам пришлось преследовать его.

Миссис Диллоуэй сняла с рубашки Эббота розовый лепесток, приставший туда вместе с грязью. Для розы он казался слишком большим.

– Вижу, вы были со мной не вполне искренни, – проговорила она, рассматривая лепесток. – Вы снова были у камелий?

У камелий.

Мальчик виновато кивнул.

– Мистер Эббот, вам двенадцать лет. Вы лучше меня это знаете. Живо наверх и принять ванну. И вы тоже, мистер Николас. Времени как раз хватит, чтобы помыться и до ужина убрать в фойе. Вам очень повезло, что у мисс Льюис и у меня такое доброе сердце и мы не сообщим об этом вашему отцу. А теперь поторопитесь!

Мальчики взлетели по лестнице наверх, и миссис Диллоуэй вздохнула.

– Нужно заставить мистера Хэмфри мыть Ферриса. Если он так хочет держать собаку, то должен ухаживать за ней. Я говорила лорду Ливингстону, что эта затея с собакой к добру не приведет, но мистер Хэмфри уговорил его. – Она снова вздохнула. – Ступайте к детям. Проследите, чтобы помыли за ушами и чтобы их одежду выгладили к ужину. Я представлю вас лорду Ливингстону в шесть часов в столовой. Прислуга не ест вместе с членами семьи, но для няни делают исключение.

– Да, мэм, – ответила я, поднимаясь по лестнице.

На площадке было прислонено к перилам что-то большое, накрытое белой простыней. Я приподняла угол и увидела портрет женщины, сжимающей в руке розовый цветок. Ее печальные глаза буквально впились в мои, и меня поразило, как художник сумел передать выражение ее лица: женщина словно кричала: «Пожалуйста, спасите!» Содрогнувшись, я поскорее накинула простыню обратно на холст, пока никто не увидел.

Глава 9. Эддисон

– Сегодня ночью в городском парке концерт, – сказал Рекс вечером. – Не хочешь пойти?

– Ты меня приглашаешь? – улыбнулась я.

– Приглашаю, – ответил он с широкой улыбкой.

Мы поехали в город на старом «Роллс-Ройсе», оставили его на улице и вошли в парк. Перед маленькой сценой были расставлены столы, где за пинтами пива улыбались, болтали и перешептывались молодые и пожилые пары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.